

ЮРИЙ Валин

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОКРАИНЫ

ШТУРМОВАЯ ГРУППА

Украина

Юрий Валин

Штурмовая группа

«Автор»

2012

Валин Ю. П.

Штурмовая группа / Ю. П. Валин — «Автор», 2012 — (Украина)

Сбылись самые мрачные пророчества, худшие страхи стали явью. Наш мир катится в тартарары. Наша реальность трещит по швам. Из прорех лезут хищные твари, населяющие Окраины сознания; в Москве свирепствует эпидемия неизвестной болезни, превращающей людей в безумных убийц; счет пропавших без вести идет на тысячи. То, что поначалу казалось чередой природных катаклизмов, приобрело осмысленность вражеского вторжения – мало кто уже сомневается, что человечество атаковано извне и что от нашествия не спасут ни защитные кордоны, ни военное положение, ни усиленные патрули – обнаружив на Украине базу противника, придется не просто брать ее штурмом, а стереть с лица земли ядерными фугасами... Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Украина. «Штрафники»!»! Если судьба человечества висит на волоске, когда сталкиваются параллельные реальности и гибнут целые миры, штурмовая группа принимает последний бой.

© Валин Ю. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Валин

Окраины. Штурмовая группа

Автор благодарит:

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах».

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

И любимую жену, без которой вообще бы ничего не писалось.

Пролог

Москва.

Кабинет

8 апреля. 19.40

Гриф «Особой важности» – условность. Через месяц, если повезет – через два, о содержимом папок станет известно всей стране. Официальное обращение к нации, потом масштабная кампания по разъяснению Плана по центральным каналам и в печати. Пока СМИ молчат. Ошарашены письмами из Управления делами и молчат. Лай поднимется чуть позже. Под письмами стоит правильная подпись, и главреды просто не могут поверить, что умный человек так глупо подставился.

Обращение должно быть коротким и предельно честным. Что-нибудь вроде «братья и сестры». Нет, сейчас паника даже опаснее недоверия. На данном конкретном этапе.

Человек, стоящий у окна с видом на главный флаг страны, поежился. «Братья и сестры» – слишком знаково. Переключит внимание, отвлечет. Может быть, ближе к концу выступления? Пусть референты прокачают. Дать им время.

Время еще есть. Немного, но есть. Время есть, а Плана нет. Стратегическое решение будет принято на Совете безопасности, но для себя нужно определиться уже сейчас.

На столе лежали четыре папки. Экран монитора уже погас – человек слишком долго стоял у окна.

Что имеем? Китай вежливо предупредил о возможном закрытии границ. Естественно, о полном и безоговорочном. Смысла в этом немного, но Поднебесной так будет спокойнее. На Сичан и прочих космодромах никакого оживления не отмечено. Естественно, Госсовет и ЦК КПК бежать не станут, а эвакуировать в неизвестность несколько десятков тысяч из миллиарда с гаком – откровенное бесчестие. Пойдут другим путем. С таким населением есть шанс отбиться. Не могут же они все...

Могут. Если верить аналитикам, если верить беженцам из уничтоженных «калек»... Идиотский термин. За полвека исследований могли бы придумать что-то более академическое. Собственно, оно существует – в совместном докладе Научного центра ФСПП и Академии наук. «Шапка» на пол-листа: *«Краткие выводы по коррективам ситуации в предполагаемой модели спинорной структуры пространств, базируемой на новой теории кватернионной алгебры, обоснованной согласно Сколковской аксиомы временной многомерности...»*¹ Черт, «калька» все-таки несколько лаконичнее.

В Штатах зафиксирован многократный рост активности на мысе Канаверал, базах Ванденберг и Кадьяк². Официально молчат, но явно собрались идти по самому очевидному пути. Что-то успеют? Заказы на запуски грузов с Байконура и Плесецка Роскосмос вежливо отклю-

¹ В связи с полной секретностью теории цитата приводится в искаженном виде.

² Космодромы США.

нил, ссылаясь на недостаток носителей – самим пригодятся. Что-то американцы успели забронировать в Куру³. В «кальках» все развивалось так же. Неужели в Вашингтоне полностью игнорируют рассказы беженцев? Или у них вообще нет беженцев? Исследования по «калькам» Штаты сочли бесперспективными два десятилетия назад. Или это деза? Знают что-то большее? Тогда почему такой очевидный и неконструктивный план? Спасти элиту? Ладно, их проблемы. Выступить единым фронтом не получится, но на это практически и не было надежд. ОСВ-III подготовлен и подписан за неделю, боеголовки снимаются с боевого дежурства, контроль налажен. Несанкционированных запусков, очевидно, удастся избежать.

Нет, это не эпидемия психических расстройств. Нужно избавиться от этой навязчивой иллюзии. Объясняли специалисты, но всё из этого вала гипотез и свежееиспеченных теорий уяснить невозможно. Собственно, специалисты и сами наполовину не понимают, в чем мужественно и сознаются. Для простоты – мутация. Мутация человечества. «Приход известного северного зверька повышенной пушистости», – как витиевато пишут в Сети.

Откуда? Космос? Эти проклятые «кальки»? Еще миры, как их там... Мир сложен. Враг невидим. Или врага нет? Просто причудливая игра физических законов природы?

Гадать некогда. Мир медленно вскипает. ООН на своем закрытом заседании потребовала обеспечить функционирование Организации в защищенном месте. Штат секретариата за три дня разбух вдвое. В Индии массовые беспорядки – миллионные толпы у храмов, переворачивают бронетранспортеры и танки, все это транслируется в *Live television*⁴ (!). Ладно, пусть отвлекают. Япония сохраняет полное спокойствие. Разгребают руины последнего землетрясения, ждут нового. Фаталисты. Африка угрозу игнорирует – гражданские войны и колдуны, новый исламский фундаментализм – чего им еще бояться? Обеспокоена ЮАР, но даже Британии сейчас не до далеких родственников. Европа выясняет отношения – почти непрерывные заседания Европарламента и параллельные саммиты. Местные СМИ воют, грозят скорым распадом Евросоюза. Еще не дошло, что полный амбец евроценностям.

С Германией успели заключить договор. Что-то просочилось в прессу, Польша и Грузия взорвались негодованием. Требуют допуска к газопроводам, обеспечения энергобезопасности. Идиоты, Южный поток им в... Еще не поняли, что зимой будет жарко и без газовых факелов.

А если все рассосется? Показания беженцев и прогнозы – не меньшее сумасшествие, чем эта самая «Психа».

Поздно. По сути, тактические решения уже приняты. Мобилизационный план, переформирование войск. ФСПП пухнет и жрет деньги как... В Минске спешно формируют свою структуру – пришлось поделиться кадрами. В беспомощном демократическом Киеве еще только собираются воззвать о помощи – у самих хватает сил и фантазии лишь намертво заблокировать трибуну в Раде.

Всё это не так важно. Что делать здесь и сейчас?

Человек подошел к столу и открыл папку с суточной сводкой.

Хабаровск. 20.08. «Группа (от 8 до 12 человек) забаррикадировалась в ресторане «Корейская калина» и подожгла здание. При попытке начать тушение двое бойцов ПЧ⁵ МЧС пострадали (колото-резаные ранения). Управлением ФСПП произошедшее квалифицировано по категории С-8. Обстоятельства уточняются».

Читинская область, поселок Кедрач. 20.34. «Погибшие: Алушкин С.В. (8 лет) и Алушкина А.В. (3 года). Многочисленные укусы и травмы, несовместимые с жизнью. Найдены по месту жительства. В доме следы крупного животного, сильно повреждена мебель. Дом был

³ Куру – космодром во Французской Гвиане.

⁴ Прямо эфире.

⁵ ПЧ – пожарная часть.

заперт снаружи. Исчезла Алушкина У.В. (10 лет). Квалификация ФСПП – С6. Обстоятельства уточняются».

Кемерово. 21.06. «Ночной клуб «Алый парус». Групповое изнасилование. Пострадавших 13 человек. Задержан Нагиев Н.Д. (59 лет, разнорабочий). Квалификация ФСПП – затруднена. Обстоятельства уточняются».

Екатеринбург. 21.20. «Площадь 1905 года. Умышленный наезд на группу пешеходов. Пострадало 9 человек. Подозреваемая Гершкovich В.С. при задержании оказала сопротивление. Погиб старший сержант ГБДД, ранен патрульный ФСПП. Квалификация ФСПП – С8. Обстоятельства уточняются».

Пермь. 21.58. «Улица Гусарова. Исчез троллейбус № 12. Пропало 22 человека. Квалификация ФСПП – С4. Обстоятельства уточняются».

Краснодарский край. Станица Полевая. 22.20. «Поселковый клуб. Открыта стрельба из окон библиотеки. Ранены 8 человек. Задержанная Ловкачева С.С. (библиотекарь, 56 лет) утверждает, что здание захватила «банда Кошки». Настаивает, что подверглась групповому изнасилованию в особо изощренной форме. В библиотечном компьютере найдено «Воззвание к братьям-станичникам». Квалификация ФСПП – затруднена. Обстоятельства уточняются».

Калуга. 22.45. «Улица Труда. Патруль МВД подвергся нападению. Противник не идентифицирован. Во время огневого контакта патрульные были вынуждены отойти за ограду Пятницкого кладбища. По свидетельствам патруля, им помогли «духи мертвых». По прибытии маневренной группы с бронетехникой столкновение с огневым контактом продолжалось до 23.35. Среди бойцов МВД и ФСПП двое легко раненых, также ранена жительница соседнего дома. Квалификация ФСПП – С9, возможно А1. Обстоятельства уточняются».

В Смоленске самолет пытался протаранить здание УВД. Промахнулись, упали в Днепр. К счастью, кроме двух членов экипажа, на борту никого не было. В Калининграде все ночь держали оцепление вокруг музея «Блиндаж Ляша». Внутри шла стрельба, срабатывали подрывные устройства. Группа захвата двинулась внутрь лишь на рассвете, когда все стихло. Никого не нашли, но интерьеру музея и экспонатам оказался нанесен непоправимый ущерб. И пули и осколки гранат были вполне настоящими. Гильзы выгребали мешками. И такого остаточного «фона» специалисты ФСПП в Калининградской области еще не засекали.

В Москве ночь прошла относительно спокойно. Две зараженные женщины (мать с дочерью), вооружившись ножовками и строительным пистолетом, проникли на охраняемую территорию Останкинской телебашни. Подпилить опору они успели не очень глубоко, но при задержании ранили полицейского. Дочь успела отрезать матери голову, да и тело младшей злоумышленницы оказалось непригодным к исследованию. Обнаружено, что дюбель в черепе весьма мешает сканированию. В зоопарк опять забрались молодые натуралисты и пробовали удавить моржа куском кабеля. Один из злоумышленников утонул, второго взяли, но, похоже, он оказался вполне банальным доброкачественным идиотом. Еще случился ряд немотивированных убийств и прочая рутина. «Обстоятельства уточняются».

Человек закрыл подборку суточных сводок. Сегодня не такая уж она и толстая. Можно устоять? До конца года? Еще год? Вообще удержаться? Ничего такого немислимого пока не происходит. Мочить их. Исследовать и мочить. Призраков, зараженных, всех. Последовательно, жестоко, неуклонно. Развивать структуру ФСПП, через несколько месяцев срастить ее с силами МО и МВД. Ничего сверхъестественного.

Отступать пока некуда. Варианты...

Человек смотрел на четвертую папку. Тонкая. Самые общие идеи. Восемь вариантов... Всё равно придется решать. Не тем занимались. Как всегда, не тем. И мысль, что весь мир не тем занимался, совершенно не греет.

Надо работать. Пока по всем направлениям. Но принять решение о путях эвакуации придется. Лучше попозже. Через двадцать лет. Или через сто...

Глава 1

Ели Мясо Мужики

All India Radio. «Все четыре АЭС Южной Кореи остановлены».
Радиостанция «Шансон-24». «Спонсор выпуска новостей – группа компаний «Турзабег». Путевки в Турцию и Египет – дешевле, чем вы думаете!»
www.dom.666.2. «Марина Ф. возвращает Оксане все то зло, что та желала другим!»

Из сводки ФСПП
Улица Орджоникидзе.
ТРЦ «Космический»
10 апреля. 15.42

– Ты идиот! Понимаешь, идиот!

– Заткнись! Весь мозг своим тряпьем вынесла!

В торговом зале было душно. Отопление еще не отключили, и контраст духоты зала с совершенно изнурившей москвичей ледяной уличной сыростью попросту изводил.

Николай Владимирович смотрел на супругу, заставляя себя не отворачиваться. Почти тридцать лет прожили, а так и не привык. Ну что за цвета она подбирает? В таком джемпере и с навозом на даче неприлично возиться. Пальто на тележку сбросила, вся распаренная, рожа малиновая. Постыдилась бы. Бюст у нее четвертого размера. Гордость жизни. До пояса дойки висят... Господи, гадость-то какая.

– В общем, так, – процедила Елена, которую и тридцать лет назад мало у кого поворачивался язык назвать Леночкой. – Через пять минут. У машины. Или сама уеду...

Толкая тележку, супруга шла мимо выставки сотен пар унизительно дешевых и дрянных тапочек. Такая же дрянная, жирная, никому не нужная. Николай Владимирович еще чувствовал запах ее пота. Нет, не запах. Вонь. Несильная, но с таким едким, ехидным оттенком, проникающим в самую глубину ноздрей, в самый мозг...

Господи, гадость-то какая.

Крупного плотного мужчину передернуло, но он упорно продолжал смотреть вслед супруге. Переваливается, курица бройлерная. Тележка с верхом навалена, пальто, как одеяло бомжары, сверху валяется...

Николай Владимирович прошел мимо стенда с журналами – бабы пихались, выхватывая из-под рук друг друга аляповатые издания сплетен-телепрограмм. Из-за пяти рублей экономии удавятся. С обложки кокетливо улыбалась физиономия знаменитой телеведущей. И встает же у кого-то на эту кобылу облезлую?

Прямо перед носом заторможенная бабенка в рабочем жилете с бейджиком протянула оранжевую ленту, закрывая проход между стеллажами. Двое черноголовых рабочих начали распаковывать поддон с кошачьим кормом. Николай на миг зажмурился. Господи, да сколько же их понаехало?! Везде они, везде...

Ладно, обойдем. Николай Владимирович прошел мимо выставки ядовито пахнущих компьютерных столов. Вот и стеллажи с инструментами. Елена абсолютно не права – здесь сэкономить можно вполне прилично, особенно когда распродажа. Так, сверла нам нужны победитовые, но не чистый «пластилин». В прошлый раз на распродаже...

Николай Владимирович имел квартиру, две машины и хорошо оплачиваемую работу. Жену. Двух детей. Йоркширского терьера, любящего лизать спящего хозяина в лысину и

гадить умилительно крошечными какашками. Всё это, включая какашки, требовало ежедневной заботы. Ну, возможно, женатый старший сын уже чуть облегчил жизнь. Но там скоро внуки заботы потребуют.

...Распродажа закончилась. На крюке-креплении болталось единственное сверло-«восьмерка» в подранной упаковке. Нет, Елена, сука жирная, была не права. Имело смысл сначала на второй этаж идти, а потом продукты хватать. Господи, и когда же этот кошмар кончится?! А ведь хотел еще новый чехол к планшету посмотреть...

Николай Владимирович имел уйму вещей. Ненужных. Имел семью. Ненужную. Имел повышенный холестерин и повышенное давление. Абсолютно ненужные.

...Грузный человек стоял, опираясь о полку со шлифовальными дисками неизвестного производителя, и пытался вспомнить, что ему нужно в этой жизни. Вокруг жужжал тысячами голосов огромный гипермаркет. Пронесся между стеллажами крысеныш лет шести, задел резиновым сапожком по ботинку. Николай Викторович машинально взял со стеллажа пару нитяных перчаток, с трудом нагнулся, начал затирать след на туфле...

– Родя, немедленно сюда! – катящий тележку отец резвого крысеныша торопился. Николай Викторович получил крепкий удар в бедро, да еще загруженная в тележку искусственная пальма довольно ощутимо кольнула жестким листом в макушку.

Николай разогнулся, потирая распаренную лысину. Вот же...

Девица, прижимающая к себе роскошный сдвоенный дамский журнал, усмехнулась в лицо потному пенсионеру. Проскользнула мимо, брезгливо, бочком, – клацали лакированные каблучки.

Нет, он не был пенсионером, этот массивный мужчина, вновь ухватившийся за угол стеллажа. Просто нездоровый и не очень счастливый человек в возрасте пятидесяти восьми лет, одетый в добротную, но довольно нелепую длинную кожаную куртку...

Николай Владимирович осознал, что все должно быть не так. Абсолютно всё...

Зачем так жить? Даже смешно. Как там говорилось – «бабы – сволочи, мужики – кретины, дети – идиоты»?

Нет, вспомнить не удавалось. Потный мужчина сделал еще несколько шагов, миновал блестящий стенд с гаечными ключами и снова ухватился за стеллаж...

...А ведь они все враги. Абсолютно все...

Черт, сверла-то купить нужно. Хотя бы пару...

...Враги. Все враги. Ошибался. Нужно было еще тогда, в Осташкове, Елену удавить. Отодрать, раз уж так хотелось, и удавить. К ногам рюкзак с камнями, и в воду... Господи, сколько лет прошло...

...Сверла лучше бошевские взять. Хоть и подделка, но...

За спиной ходили враги, с легким скрипом катились тележки, говорили и говорили голоса. Слова были понятны, но смысла в них не было.

...Стеллаж с ручным инструментом. Нет, китайцы качество определенно подняли. Серьезно – подняли. Если взглянуть с точки соотношения цены и качества... Ручки добротные. Металл, конечно, дрянь. Но ручки добротные. Хороший пластик. И цвет... Как назвать? Оранжево-алый?

Топоры лежали на нижней полке. О, и большие есть? Николай Владимирович выбрал из трех тот, что получше. Положил на полку перед глазами, посапывая, повозился, выдерживая позы рубашки из брюк. Уф, так-то полегче. Ладони офисного работника, берущегося за инструмент весьма нерегулярно, в основном в летне-дачный период, скользнули по рукояти. Приятный выгиб, удачное сочетание яркого пластика и черной резины. Ну, заусенчик тут имеем...

Мужчина сдвинулся вдоль стеллажей чуть назад, оттер плечом какого-то очкастого хлюпика, взял макетный нож... Очкастый что-то возмущенно сказал, Николай Владимирович не

отвлекался. Эти лезвия тупятся быстро, но на заусенец-то хватит. Оранжево-алые крошки сыпались на полку. Сейчас-сейчас...

Николай Владимирович оглянулся – очкастого уже не было. Ладно. Нитяные перчатки валялись на месте. Чуть маловаты – в последнее время ладони стали пухлыми, прямо и не верится, что свои. Черт, жмут перчатки. Ну, это, очевидно, ненадолго.

Это неправильный мир. Нужно что-то делать.

Николай Владимирович пошевелил плечами, поправляя тяжелую куртку, перехватил топор двумя руками и с облегчением шагнул на середину прохода...

* * *

Марик стоял на контроле картриджного выхода. Народу здесь было немного: в основном толпились в «Продуктах» этажом ниже да у сервисного выхода. Ну, на кассах тянулись хвосты – понятно, суббота, вторая половина дня. Проспались и греться шопингом направились. Год назад, вернувшись со «срочки» и устроившись работать, Марик к многолюдью столицы так и не привык. Нет, здесь-то народ вроде как часть торгового зала – не раздражает. Вот выйдешь после смены на улицу... жуть. Чуть ли не рысью к себе – благо продуктов закупил по месту службы, дел никаких, разве что Светку после учебы встретить. Квартиру снимали тут недалеко – на Ферсмана. Забьешься в хрущевку и выходить не хочется. Быстрее бы Светка свою учебу заканчивала, да вместе в спокойную Быковку вернуться. Фиг с ними, с деньгами...

Шум раздался где-то за «Обувью». Вообще-то Марику тот угол сто лет нужен не был. На последнем инструктаже приказали приглядывать за травелатором – там, на верхней площадке, покупатели вечно норовили тележками сцепиться. Иногда и до драки доходило. Имидж крупнейшей торговой сети подорвать норовят, лохи неблагодарные. В случае конфликта надлежит вызывать по рации «группу быстрого реагирования», а самому пост не покидать.

Орали за «Обувью» всерьез. Может, придавило кого? Марик нащупал рацию, но тут она сама взорвалась шипением и криками. «Двадцать первый», «двадцать четвертый», «двадцатый»... «Второй» настойчиво пытался переспросить посты... связь была того... символическая.

Народ побежал. Марик с изумлением увидел несущиеся прямо на него тележки. Три в ряд. Физиономии и у теток, и у парня были непонятные. Подобное выражение Марик сподобился наблюдать, когда распродажа вермута была. Совсем в последнее время народ сдурел. Эти что, силовой прорыв задумали?

Марик шагнул навстречу:

– Уважаемые, кассы вон там. Сейчас все работают...

Все трое, как по команде, бросили тележки, рванулись на Марика. Бабы едва не снесли. Парень-покупатель чуть задержался, выхватывая из вороха йогуртов и памперсов малыша в синем нарядном комбинезоне. Большой блок йогуртов шмякнулся на пол, полетели брызги...

– Гражданин, вы что... – ошеломленно начал Марик, но тут дите тоненько завопило, пытаясь обхватить ручонками шею отца...

Бежали уже толпой. Зазвенело на контроле – вынос. Оштрафуют теперь. Но что тут делаешь? Марик уже схлопотал под дых, и ногу отдавили... Покупатель шел напролом, прыгали даже через кассовые терминалы. Вопила, грозя кому-то пластиковым веником, бойкая Фаридка. Часть покупателей застыли изумленными столбами, кто-то попятился, раздумав входить в торговый зал...

– Граждане, спокойнее, выходим, товар оставляем! – пытался воззвать Марик. Где там: орали люди, орали служба оповещения под потолком, шипела рация. Взвизгнула девчонка, сбитая на пол...

Матерясь, Марик отпихнул бледного мужика, распихал бегущих, заслоняя спиной, ухватил за локоть девчонку:

– Ну-ка...

Крашенная беленькая вроде поднялась, но тут Марика чуть самого не снесли.

– Охренели, что ли?!

– Ы-ы! – Дама еще раз пихнула его сумкой – уже в грудь – и прорысила на выход, оскальзываясь на белесых йогуртовых следах. Марик ошалело смотрел ей вслед: глаза у тетки были белые, вообще не живые. Неужели газ какой-то?

Дыма определенно не было. Марик помнил инструкции, но раз тут не возгорание, не террористический взрыв и не групповое хулиганство... Впрочем, хулиганство тоже было – отморозок в черной куртке перескакивал через кассу, азартно размахивая ноутбуком с отодранными проводами. Вот козел, на выходе ведь повяжут...

– Уважаемые покупатели, просим вас, соблюдая порядок... – забубнило из-под потолка.

– Эвакуируем всех, мать вашу... – прорвался из рации голос старшего смены.

– ...по техническим причинам, – сообщали из-под потолка невнятным голосом. Явно не дикторша из радицентра, парень какой-то...

Мимо Марика молча пробежала женщина, придерживающая одну руку другой – на светлой плитке пола оставались клюквенные пятна.

Серьезное дело. Что там рухнуть могло? Тонко, нечеловечески завывли у «Бытовой техники»...

– ...олная эвакуация. Милиция, мать... полиция на этаж два-В! – надрывалась рация.

У стеллажа с компьютерными салфетками и прочей хитроумной периферией столпилось с десяток покупателей – тянули шеи, пытаясь разглядеть происходящее. Хорошенькая девка вынула мобильник, подняла повыше, пытаясь заснять смутные фигуры, мечущиеся у стеллажей «бытовухи».

– Граждане, прошу покинуть торговый зал, – громко сказал Марик. – Это всех касается. Вот я тебе сейчас!

Пацан, придерживающий под курткой коробку «Лего», юркнул за кассу.

– Граждане, организовано выходим...

Из-за стеллажей с игрушками выскочила стайка таджиков в фирменных красных жилетах. Знакомый золотозубый Бахур завопил:

– Уходи, Марика! Маньяка там! Мясника!

– Панику не разводи! – растерянно рявкнул Марик. – Эй, девчонки, вам особое приглашение нужно? Выходим!

– Щас, щас... – Фарида трясущимися руками возилась с кассой. Другие кассирши уже выскакивали со своими драгоценными металлическими сундучками.

В проход от зоны внешней упаковки влетел худосочный мужик с фотоаппаратом.

– Куда?! – Марик успел ухватить дурака за рукав.

– Я корреспондент!

– В жопу!

– Вы не имеете права! Закон об информации...

Марик молча отвесил ему пендаля. Повернулся к зевакам:

– Все на выход! Считаю до трех!

Мужики, оглядываясь, потянулись к выходу. Девка фыркнула, пошла к корзинам с распродажными весами, еще выше подняла свою снимающую цапку.

Марик подскочил сзади, схватил за ворот:

– Вышла отсюда! Или телефон отберу.

– Да сам ты пошел!

Марик пихнул девчонку в сторону выхода. Наглый корреспондент уже вновь перся навстречу. Марик выдернул из креплений на поясе длинный увесистый фонарик, погрозил как дубинкой... Гад с «Кэноном» лишь присел на колени, защелкал еще ожесточеннее. Ахнула девица...

Из прохода между «Одеждой» и «Игрушками» выползал человек. Кажется, одной ноги у него не было...

* * *

Николай Владимирович мимоходом обтер ладони о висящую на вешалке футболку – на лимонной ткани с рисунком какого-то безобразного серфингиста-сноубордиста остались отпечатки. Перчатки порядком промокли, и это мешало. В остальном дело шло неплохо: полиция еще не появилась, а поработать удалось изрядно. Враг, правда, разбежался, но это ничего. На наш век хватит. Благо особой разумностью чужие не отличались...

Ага, за прилавком! Николай Владимирович обогнул торец стойки, за которой продавали нитки, ножницы и прочую бабью ерунду, коротким ударом колена выбил дверцу. Продавщица – низкорослая, крашенная, омерзительная, как все чужие, – сидела на корточках, скрючившись. Тихонько завывала, заслоняясь ладонями. Нет, сразу видно – чужая.

На всякий случай Николай Владимирович спросил:

– На лыже – это сноубордист или серфингист?

Завывала тише. Бить в узости прилавка было неудобно. Пришлось схватить за шиворот, выволочь на простор. Совсем скорчилась – тяжелая, – одной рукой и не утащишь. Хорошо, что глупая. Жаль, не все чужие глупые.

Обрезиненная рукоять удобно легла в ладони. Николай Владимирович ударил наискось. Светлый пластик прилавка заляпало. Это ничего: гипермаркеты – заведомая дрянь, тут и сомневаться нечего.

Боли даже чужим причинять не хотелось. Николай Владимирович садистских поползновений у себя никогда не наблюдал. Одного хорошего удара достаточно. Главное – вывести чужого из строя навсегда. Ну, если вертится – сам виноват. Руку или ногу оттяпаем – живи калекой, мешай своим. Тоже польза.

Николай Владимирович вновь повернул к отделу бытовой техники – похоже, там, в складском помещении, затаилась целая шайка. Собственно, и время поджимало. Набегут сейчас с оружием. У них пока сила...

По плиткам пола тянулись багряные следы. Валялся тот мужик в гейской дубленой курточке – физиономия аж черная. Ага, обух у «китайца» тоже работает.

Кто-то метнулся вдоль стеллажей. Мелкий... Девка, наверное. Уже попадалась одна такая, шустряя.

Николай Владимирович с азартом устремился следом. Никакой одышки. Вот так: понял правду, принял её – даже здоровье улучшилось. Нет, не девка – подросток. Воровал небось. Чужие, ведь они всегда друг у друга воруют. А в малолетних мерзавцах – самое зло. С каждым годом наглеют...

Тут логика дала определенный сбой. Как молодые чужие могут наглеть, Николай Владимирович не понял. Собственно, это и не имело значения.

Мальчишка заверещал, чувствуя, что его догоняют. Влетели в отдел игрушек: между стеллажами валялись запаянные в пластик фигурки аляповатых монстров – чужие уже начали игрушки с самих себя лепить. Под подошвами туфель хрустел пластик; размахивая топором, Николай Владимирович сшиб шеренгу коробок с куклами-проститутками.

Между стеллажей возникла фигура в черном, пихнула визжащего мальчишку в сторону. Угрожающе взмахнула черной дубинкой:

– Эй, ты что творишь?

– Чищу, – с готовностью пояснил Николай Владимирович, притормаживая.

Если черный заговорил, следовательно, он своим может быть. Подкрепление не помешало бы.

При ближайшем рассмотрении черный разочаровывал: просто невысокий паренек в униформе охранника. Черная дубинка – всего лишь электрический фонарь.

– Слушай, ты бы положил топор, – неуверенно сказал охранник – он явно трусил. – Не в себе ты. Сейчас «Скорая» подъедет, доктор поможет...

– Верю, – согласился Николай Владимирович. – А ты, значит, из чужих все-таки?

– Я? – дурачок-охранник не понимал.

Не важно. Николай Владимирович прислушивался. Шаги тихие, крадущиеся. Сюда идут. Менты?

Из-за стеллажей появились трое. Пара здоровенных парней в черной униформе – в руках пистолеты – и мужик с каким-то смешным устройством в руках. Шокер, что ли?

– Это... Марат, ты к кассам отойди, – сказал мужик в штатском...

* * *

– Это... Марат, ты к кассам отойди, – сказал начальник смены.

Опять имя перепутали. Но обижаться Марик не собирался. Господи, чуть не обделался, когда этот маньяк навстречу выскочил. Пусть начальство разбирается. Марик попятился, под берцем хрустнула игрушка. Жуть сколько убытков за эти десять минут наделали...

Маньяк, что вроде стоявший спокойно и с интересом разглядывавший охранников «Космического», кинулся вперед. Роба не изменилась, движением себя не выдал – просто ломанулся, как носорог.

Марик не знал, успел ли заорать сам, но фонарь точно выставил. Лязгнуло, руку болью прошло – и Марик врезался в стеллаж, в лицо, слепя, полетели коробки с яркими машинками. За спиной хлопала выстрелы, что-то кричал начальник смены...

Марик, буксуя в коробочках с машинами, пополз в другую сторону, оглянулся... Здоровяк Мишка Сесин уже лежал, откинув руку с «макарычем». Начальник смены кривобоко шел к кассам, зажимал шею... Оставшийся на ногах коллега удирал, сильно пригнувшись и не глядя высаживая назад последние пули из своего травматического...

Маньяк никого преследовать не собирался: нагнулся и выдернул из пальцев Мишки пистолет. За кассовым рядом громко, многогласно кричали зрители, столпившиеся у обувного и ювелирного, разбежались, сшибая друг друга.

Маньяк кинул на Марика короткий взгляд. Молодой охранник выбрался из проклятых машинок, поднялся на колени и кашлянул:

– Зря ты так. Они тебя пугануть решили.

– Я понял. – Маньяк бросил никчемного «макарыча», разогнулся: глаз у него был прищурен – на скуле расплывалось ярко-красное пятно. Да и на коже куртки темнели пятна – видно, Мишка в упор стрелял.

У кассы хрипел, цепляясь за поручень, начальник смены – из разрубленной шеи уже не хлестало, но пол вокруг был – словно двухлитровый пакет с красным сухим лопнули.

– Ты зачем это делаешь? – пробормотал Марик, осторожно отползая.

– Так что с ними еще делать? – Маньяк, деловито перехватывая топор, направился к молодому охраннику. – Ты же сам знаешь, что правда за нами.

Громче кричали у магазинов. Топали многоного – явно берцы.

– Убьют тебя, – пробормотал Марик.

– Конечно, – согласился маньяк.

Марик отчетливо видел его лицо: побитое, в кровавых брызгах, но удивительно спокойное. И как это... одухотворенное. Наконец вспомнилось – ориентировка. Точь-в-точь так описывали.

Больной мужик метнулся к Марику. Для тучного человека предпенсионного возраста он двигался просто непостижимо быстро. Блестела прожженная и залитая кровью броня кожаной куртки. Палач древний...

Марик рванулся прочь, под берцем оказалась коробка... упал на колено, опрокидываясь под жалкую защиту стеллажа, сгреб коробку с куклой, выставил...

Маньяк пинком выбил коробку с синеокой красавицей, деловито примерился... Тут на него с верхней полки прыгнул большущий розовый медведь. Сам прыгнул, широко растопырив короткие лапы, – это Марик видел отчетливо. Окровавленный окосевший мужик раздраженно отпихнул мягкого врага. Тут от касс начали стрелять: хлопки «макаровых», короткие очереди АКСУ...

– Не в голову! Не в голову!!! – выл Марик, засовывая собственную башку под коробку с дорогим ярким трейлером. – Он больной, больной!!!

* * *

– Дорогу! Дорогу! – Старший маневренной группы ФСПП расталкивал людей. У входа столпилось несколько тысяч человек. Надо бы было к служебному подъезжать, но на Орджоникидзе стояла сплошная пробка. Полиция с оцеплением еще не подсуетилась...

– Дорогу, суки! – Путь сквозь толпу приходилось попросту пробивать. Медики спецбригады ФСПП, чей экипаж так счастливо оказался рядышком, на Косыгина, отставали, отягощенные кофрами с портативным томографом и тяжеленным «двуликим анусом».

– Дорогу!

Второй номер маневренной группы выдернул из-под куртки автомат. Короткий ствол «Вереска»⁶ вознесся над головами – короткие резкие хлопки – толпа шарахнулась в стороны.

– Дорогу! – Старший группы выхватил свой «гэ-ша»⁷, в ярости ткнул стволом в лицо тупого верзилы в полосатой куртке...

В остановленных дверях-вертушках маневренная группа и медики чуть не снесли местных охранников и полицейского-майора.

– Бабе помогите! – прокричал старший маневровой.

Помогать пришлось ему самому. Кофр с томографом волокли вдвоем, – лицо у Олечки было бледное, отчаянное, но неслась девочка изо всех сил. Вторую неделю как из 1-й Градской переведена, втянуться не успела... Вечером обязательно нужно будет чаю выпить, за «бабу» извиниться.

Майор-полицейский опомнился, неся впереди, расталкивая брошенные тележки. У входа в торговый зал медики с сундуком «ануса» чуть не навернулись на разбросанных джинсах...

Куда? Второй этаж? Олечка застонала, увидев остановленный траволатор. Старший вырвал у нее томограф... Бежали вверх, майор, матерясь, бился с завалом тележки. Быстрее будет по параллельной. Первой с визгом перекатилась Олечка, приняла кофр... Дальше...

Разбросанные календари. Еще дальше... Охранник машет рукой... Здесь быстрее... Господи, да тут этих кошачьих консервов до скончания мира... Труп. Не тот... Еще труп. Группа людей, кто-то машет рацией... Разбросанные игрушки, тела... Этот?! Кожаная спина в пулевых отверстиях... Медики, задыхаясь, переворачивают... Груды вообще нет – ключья. На лице

⁶ СР-2М «Вереск» – 9-мм пистолет-пулемет.

⁷ ГШ-18 – 9-мм восемнадцатизарядный пистолет Грязева – Шипунова.

входное?! Твою мать... Нет, просто двинуло покойника чем-то. Олечка, скрипя зубами, рвет застёжки «ануса»...

– Понимаете, наш охранник утверждает...

– Пошли на хер!!! Прочь отсюда!

Майор отпихивает всех лишних...

Томительно медленно вспыхивает экран монитора, загрузка...

Есть сигнал? Мозг цел? Нет, правда сигнал?!

Глава 2

Где-то на белом свете

Интерфакс. «Связь между катастрофами в Смоленске, Минске и Калининграде еще не подтверждена».

Reuters. «Это не крах Credit Suisse, это первый круг ада»

«Московский кроманьонец». «Да, нашего корреспондента выдворили из Останкино. Выживыринули самым отвратительным образом! Но если отдельные чиновники, имена которых мы ПОКА называть не будем, надеются таким образом избавиться от...»

Из сводки ФСПП
Поисковая служба
Отделение «Боспор-29»
6–12 мая

День рождения Мариэтты отметили неожиданно широко. Андрей подарил кобуру для «смит-вессона», самолично выточенную и обтянутую кожей. Пришлось повозиться, рассчитывая возможность установки кобуры в качестве быстросъемного приклада. Револьверный дедушка был все-таки тяжеловат для Мариэтты. Пусть уж монстр считается легким карабином. Генка, тоже поучаствовавший в изготовлении шедевра оружейной модернизации, приволок здоровенный торт.

Днем Андрея вызвали в Центральный офис. Заехал Михалыч, поздравил «самого красивого оперативника службы», подарил громадную хризантему и необыкновенные многоцелевые спортивно-боевые перчатки. По пути на Красносельскую завезли Мариэтту к родителям. Андрей представился, но остаться на застолье, естественно, не смог. Дела. Нежная подруга только бессильно погрозила кулаком.

В офисе Андрей очередной раз поразился изменениям. Здесь устанавливали новую систему безопасности, периметр забора прихватил и еще одно здание, из которого уже выселили фабрику обоев. Когда начальник «КП-29» был у координаторов, туда влетел крайне энергичный мужик в камуфляже без погон, – оказалось, новый начальник обеспечения, переведенный из МВД. Говорили, жутко толковый. Пришлось еще зайти в отдел кадров, здесь, в новом кабинете, сняли биометрические данные, и через двадцать минут Андрей получил новое удостоверение. ФСПП меняло название: отныне аббревиатура расшифровывалась как Федеральная служба поиска пропавших. Обещали ввести звания, но проект пока утверждался наверху, так же, как и статус новой силовой вооруженной структуры. Андрей уже собирался ехать забирать объевшуюся домашних пирогов Капчагу, как подлетела девчонка в строгой блузке и полевых брюках и пропищала, что «Наталья Юрьевна просит зайти». Девчонка умчалась, топоча берцами. Похоже, дурной имидж осквернительницы могил входил в моду.

У кабинета главного психолога у Андрея отобрали пистолет. Охрана здесь была серьезной, даже у секретарши красовалась открытая кобура с ГШ-18⁸.

Правда, сама Наталья оставалась прежней – свежей, красивой, сугубо штатской. Приложила душистой щекой к щеке:

– Привет. Жив, здоров? Отлично. Мы совсем захлебываемся. Извини, абсолютно времени нет.

⁸ ГШ-18 – 9-мм пистолет Грязева – Шипунова.

– Само собой, как всегда полундра. – Разговаривать под взглядами четверых незнакомых мужчин, двое из которых были с думскими значками, было неловко. – Но выглядишь отлично.

– Спасибо. Еще спасибо за мальчугана. Очень вы помогли конторе. У вас там сегодня праздник? Поздравляю. Передавай поздравления девушке. Сан Саныч присоединяется. – Наталья ухватила гостя за локоть, отвела к окну. – Мы не афишируем, но Сашу немножко подстрелили. Пару дней дома отдохнет.

– Ни фиги себе! Кто?

– Я. В смысле, мой двойник. Имейте в виду, так сейчас тоже бывает.

– Черт, а я думаю, что меня твоя секретарша про ваш прежний кабинет настойчиво пытается?

– Простенькая проверка, но действенная. Ладно, хорошо, что «та» я так же плохо палит из пистолета, как «эта». Еще обнадеживает, что, когда я начальника окончательно доведу, Саныч сможет меня так же блистательно и мгновенно пристрелить.

– По-моему, он далек от мысли стрелять «эту», – пробормотал Андрей.

– Благодарю, – Наталья улыбнулась. – Вижу, и у тебя с личным благополучно. Вот, передай вместе с поздравлениями, – психолог подхватила со стола конверт. – Утвердят, скорее всего, этот вариант.

В конверте лежала пара черно-алых погон с нашивками младшего сержанта и новенький шеврон ФСПП.

– Обалдеть, – сказал Андрей. – Думаешь, она потянет?

– С тобой-то в связке? Она еще тебя обгонит. Да, Геннадию передай, пусть не вздумает на водочку налегать. Не поможет. Пора ему проваливать в отпуск. Мне почему-то кажется, он вернется. К самому фестивалю.

Андрей глянул в прекрасные глаза главного психолога, но спрашивать ничего не стал.

В секретариате ему всучили огромный букет для Мариэтты.

Поехали забирать новорожденную. Цветы Капчага вроде бы оценила, но на фоне погон они померкли.

– Абздолыц, я что, солдафон теперь? – польщено возмутилась девица.

– Служащая ФСПП. Приказ будет, всё как положено. Когда наконец родят наш перевод в силовые структуры, получишь штатный ствол. Если забудешь его где-нибудь в кафешке, схлопочешь полноценный тюремный срок. Прежнее дело закрыто официально.

– Мерси. Я как-то про него и забыла.

– Тогда поехали. Ты-то наелась, а нас торт ждет.

– Сейчас. Старый, я про срок забыла, а про то, что ты меня осквернительницей могил обозвал, помню.

– Извини. Я тебя так про себя называл. Раньше. В «Хуфу» случайно выскочило.

– Обзывал, значит? Ну и ладно. Называй. Мне нравится, как звучит. И не жалею ни о чем. Сумасшедшая?

– Естественно. Кто об этом еще не знает?

– Абзац! Это то, о чем я мечтала. Слава, цветы, солдатское жалование и любовник-командир. – Мариэтта задрала голову и помахала букетом окну на третьем этаже. Оказывается, родичи встречу коллег наблюдали.

Вечером празднество завершилось в «Боспоре». Кабинет для банкетов был тесноват, но все поместились. Водки поставили символически, зато присутствовало настоящее французское шампанское. Генку отсадили подальше от метиски, и он с комиссаром обсуждал неудачную весеннюю игру «Спартак». Хеш-Ке сидела мрачная, осторожно ела кильку пряного посла, запивала «Кровавой Мери», разведенной до состояния безалкогольного сока. Горгон, ко всеобщему удивлению, преподнесший новорожденной миниатюрный, но истинно золотой кулон, видимо, и сам был шокирован столь щедрым подношением – собравшимся пришлось

выслушивать пространную лекцию о чудодейственных свойствах золота и несравненной силе сего солнечного металла. Потом Генка выставил торт, и разговор перешел на сугубо гастрономические темы.

Когда в пищеблоке что-то с грохотом рухнуло, Андрей с ужасом сообразил, что непротитительно расслабился. И Генка, балбес, – ему же говорили дверь закрывать!

Кот, воспользовавшись праздничной атмосферой, провел блистательную диверсию и все-таки свалил на пол СВЧ-печку.

– Достал, – зловеще сказала Хеш-Ке, слизывая с губ крем.

– Только не сегодня! – взмолилась Мариэтта. – Это я виновата, про молоко забыла. Он обиделся и...

– Нет, это мы обиделись, – проскрежетал Генка. – Вот сейчас снаряжу пяток патронов – нарублю гвоздей вместо дробы, соли крупной...

– Кайенский перец подойдет, – подсказал комиссар.

– Мрак! Так он же специально нам на стол подышать приползет, – заныла Мариэтта. – Отсрочку котуку дайте.

– Ладно, пусть сегодня дышит, – сказал Горгон. – Но завтра, господа охотнички, на облаву.

– Договорились, – кивнул Генка.

За холодильником зашуршало, и оттуда выбрался всклокоченный диверсант. С ненавистью глянул на мужчин и довольно независимо, но не задерживаясь, проскользнул между ног.

– Хм, и нету уже, – сообщил Андрей, выглядывая в коридор.

– Как он там мог поместиться? – заинтересованный комиссар присел на корточки перед холодильником.

– Дух, – с некоторым уважением сказала Хеш-Ке. – Мертвый дух-разрушитель.

– Ага, иногда они возвращаются, – вспомнила Мариэтта. – Дайте я его умилю. Хотя бы на сегодня.

Прихватив пакет молока и приличный кусок салями, Капчага ускакала приносить жертву.

– Нет, обкормить его до смерти тоже не удастся, – с сожалением заметил Генка.

* * *

Убирать посуду – не злодейское и не комиссарское дело, поэтому уборкой занялись начальник и новорожденная. Слегка помогла Хеш-Ке – долго изучала-запоминала этикетку на коробке торта, потом зверски запихала картонку в мусорное ведро и исчезла. Генка клялся, что поможет попозже, а пока у него полуфинал Лиги чемпионов.

С посудой и мусором справились быстро. Убрали заодно и побитый терактом кафель. Андрей собрался вынести на помойку, Мариэтта сказала:

– Знаешь, я с тобой прогуляюсь. Мне одной как-то хило. Я и у мамы ерзала, даже неудобно было. Старый, я без тебя совсем не могу. Ты так и знай.

– Я, наверное, уже знаю. Ты только куртку накинь. И пушку свою, если без кобуры, под левый бок прячь. Ствол длинноват, оттуда легче выхватывать будет. Тебя бы на стрельбище нормальное сводить.

– Заботливый папочка.

Они спустились вниз, выбросили пакеты. Постояли под морозящим дождем на пустынной детской площадке.

– Теперь, наверное, всегда так будет, – зябко поежилась Мариэтта.

– Вполне может быть. У Генки было жарко, у нас наоборот. Мань, ты про папочку сказала. Не может так получиться, что тебе именно отец нужен?

– Может! Все может. – Мариэтта ухватила начальника за ворот куртки. – Можешь меня хоть удочерить, хоть увнучить, только будь рядом. Пожалуйста! Мне без тебя никак нельзя. И раз рядом, то уж и удовлетворяй. Мне жуть как нравится. Но могу и без этого...

– Без этого?

Мариэтта с готовностью повисла, обхватила крепкими ногами. Целовались, пока мимо не прошаркали в неодобрительном молчании старушки из соседней двенадцатиэтажки.

Перед запертым пищеблоком Мариэтту ждал последний на сегодня подарок. Крыса была рекордная: огромная, с рыжими подпалинами по спине, – лежала, задрал лапки, саркастически ухмылялась мертвой пастью.

Мариэтту передернуло:

– Слушай, я их не боюсь, но этот дохляк – нечто.

– Презент должен запоминаться.

– Этот уж точно запомнится. Хотя зверек, конечно, хотел порадовать.

– Так в морозилку кладем? Или сейчас приготовим?

– Еще раз на прогулку ходим. Неси сюда пакет. Только незаметно. Еще обидится животное.

– Бедная, ранимая зверюшка.

– Абзац, не издевайся над маленьким. Кстати, Старый, ты уверен, что Пуштун – кот?

– Нет. Он идейный международный террорист.

– Я насчет пола.

– Ну, ты даешь! Ты что, не смотрела?

– У меня пальцы лишние? Я его и гладила два раза. Строгий зверек.

* * *

– Выезд, – печально объявил Андрей, возвращаясь в столовую.

– Абзац, потерпеть не могли! – обозлилась Мариэтта. Она приготовила какое-то необыкновенное итальянское рагу и собиралась принимать заслуженные комплименты. Запах был и правда чудесный, порции уже разложены по тарелкам и, судя по тому, как восторженно облизывался успевший произвести дегустацию Генка, яство удалось. Из конца коридора доносились вопросительные мявы Пуштуна – приближаться кот не решался, но был не прочь получить свою долю.

– Придется подкопить аппетит, – пробормотал Андрей. – Собирайтесь, Михалыч уже на подлете.

Загрузились. Мариэтта что-то запаздывала, Андрей шагнул было в дверь, но подруга уже скатывалась по лестнице. В полной полевой форме, только под мышкой кастрюля, завернутая в куртку.

– Ну ты даешь, Капчага.

– Не бейте меня, дяденька, – взмолилась кулинарша. – В вашем-то возрасте нужно питаться аккуратно. Гастрит, запоры, а там и до язвы недалеко.

– Точно-точно, – радостно завопил из машины Генка. – У меня уже в желудке похоронные марши гундят. И это в моем цветущем возрасте!

Пообедали на ходу. Михалыч принохивался, потом потребовал оставить на пробу. Взамен выдал термос с чаем. Андрей прихлебывал из стаканчика и вслух зачитывал предварительную ориентировку:

– Батюшко Филипп Гаврилович. 38 лет. Инженер-конструктор систем кондиционирования. Разведен уже 10 лет, детей нет. Алкоголь – средне. Наркотики – нет сведений. Интимные связи – нет сведений. Склонен к депрессиям. Обращался к психологам и психоаналитикам.

Отсутствует около 48 часов. Пропал из дома. Обеспокоились на работе – он ведущий специалист. На момент исчезновения – состояние 4–6В. Интересы – библиофил, велосипедный спорт.

– Ну, вряд ли он сейчас укатил по Золотому кольцу, – проворчала Мариэтта, глядя на залитую ледяным дождем дорогу.

– Кто его знает, он вроде бы еще и член каких-то туристических клубов. Но это предположительно. – Андрей сунул факс в рюкзак. – Похоже, о жизни нашего Филиппа Гавриловича никто ничего толком не знал. Только о том, что наш инженер весьма склонен впадать в мрачное состояние духа.

Улица Ферсмана, дом 60-х годов. Район Андрей знал: дома когда-то принадлежали ведомству Академии наук, сейчас академиком плотно обступили новостройки-высотки.

В квартире участковый и координатор с оператором мирно пили кофе. Кухня была ничего себе: небольшая, но со следами недавнего ремонта. Мойка, правда, завалена грязной посудой.

– Тут с нами коллега пропавшего сидел, но его на работу вызвали, – пояснил координатор. – Собственно, о Батюшко Ф.Г. сей товарищ ничего путного сказать не мог. Разве что подтверждает, что инженером пропавший был отличным. Но квартирка любопытная.

Обиталище Батюшко действительно удивляло. Убирали здесь нечасто, но меньшая из двух комнат представляла собой чуть ли не идеальную библиотеку. И картотека здесь имелась, и свой компьютер. Стеллажи высотой до потолка занимали все свободное место. Тысячи томов по истории, биологии, но больше всего по географии.

– Интересно, наследники у него имеются? – пробормотал Андрей, листая огромный альбом карт издания 1906 года.

– Вот они – рыбки. – Мариэтта постучала лиловым ногтем по стеклу аквариума. Рыбье обиталище, в отличие от книжных полок, казалось весьма загаженным.

– Покормить бы нужно, – сказал координатор.

Они с Мариэттой под руководством оказавшегося знатоком участкового принялись кормить обитателей аквариума. Андрей с Генкой стояли в дверях большей комнаты. Здесь интересного было поменьше: диван-кровать, огромный шкаф-купе, большой новый телевизор, боксы с дисками фильмов. Слегка оживляли дизайн два велосипеда, пристроенных в углу, да какие-то обрывки фирменных пластиковых пакетов на диване.

Андрей машинально посмотрел диски – в основном документальные фильмы типа «Дикой природы» и «Мир земли». Попадались и исторические – «Открытие Австралии», «Русская Америка».

– Он еще и коллекционер-шмоточник был, – заметил Генка, открывший дверь шкафа-купе. Содержимое гардероба господина Батюшко строго делилось на две неравные части. В меньшей висели безликие деловые костюмы и скучные галстуки. Большую часть занимала походная и экспедиционная одежда: комбинезоны, куртки, ботинки шипованные, ботинки трекинговые, ботинки тропические – хватило бы на небольшой магазинчик.

– Круто, – Генка повертел шорты, отягощенные немислимыми карманами, застежками и связками карабинов. – Такие натяни – и вперед, любая спортсменка твоя.

– Геннадий, будь добр, верни ход мыслей в надлежащее русло. Отлежался, понимаешь ли, – пробурчал Андрей, вертя в руках невесомый ледоруб – обрезиненная рукоять, великолепный баланс, на хищном «клюве» чуть ли не золотое напыление.

– Мрачное у него хобби было. – Мариэтта, усевшись на диване, копалась в ворохе изодранной упаковки. – Дядя готовился к Большому Путешествию всей своей жизни. Из Канады прикид выписывал. «Куртка-парка... последнее поколение мембран... непревзойденный уют и удобство...»

– Это он правильно, – одобрил Генка. – Погодка ныне того...

– Ага, но не настолько «того». – Мариэтта продолжила переводить этикетку: – «Комфорт от + 8 до – 72 градусов Цельсия».

– Во дают, – восхитился Генка. – Значит, при плюс 10 тепловой удар схлопочешь, а при минус 73 зазвенишь?

– Нет, тебе просто станет некомфортно. Хм, абзац какой-то, да мне уже не комфортно, – возмутилась Капчага. – Эта куртяшка стоит 1990 евро.

– Так вот чем она греет. Это же по сколько «евров» на градус Цельсия приходится? – Генка закатил в глаза. – Уф, меня в жар бросило.

– Эту парку нужно носить с теми шортами, – сказал Андрей. – Может, поработаем, коллеги?

* * *

– Натуральный баклажан этот Батюшко. – Мариэтта торопливо застегивала «молнию» куртки. – Это надо же, куда занесло.

– Зато воздух какой чистый, – бодро восхитился Генка, нахлобучивая кепи пониже.

Группа стояла на склоне заснеженного холма. Подобные сопки-холмы громоздились до горизонта. По левую руку тянулся берег моря: стометровая полоса ледяного припая, а дальше водяной простор бутылочного цвета. С моря дул ветер, хватал ледяной лапой за лицо, насмешливо и грубо мял, морозил щеки. Андрей и не помнил, когда доводилось прочувствовать такую настоящую, морозную зиму. Не выше минус 20. Судя по всему, вечер. Нет, не зима – нормальная заполярная весна. На западе еще видно бледное пятно от зашедшего солнца. Одуреть, до чего просторный и прозрачный мир. Обзор километров на пятьдесят: сопки, торосы, море, редкие пятна низкорослых деревьев. Почти веришь этому морозному горизонту. Но все-таки «Фата» – чуть меньше запахов, чуть перехлестывает неправдоподобностью красота заката. Все чуть-чуть. Но мороз-то самый натуральный.

– Двигаемся, командир? Стоять околеем. – Генка чуть подпрыгивал на месте от нетерпения.

Андрей с сомнением смотрел на цепочку следов – они уводили по склону. Похоже, пропавший Батюшко не слишком-то колебался – немного потоптался на месте и двинулся вдоль морского берега. Смысл искать инженера? Время в «Фате» – понятие относительное, но прошло более пятидесяти часов. Мог уйти далеко, тем более ночь ему как-то нужно было пережить. Замерз? Выжил? Вышел к людям или убежищу? В любом случае Отделению придется несладко. К ночи температура запросто упадет до минус 30. Полевая форма к столь экстремальным условиям не приспособлена. Померзнет воинство. С другой стороны, время еще есть, уйти можно в любой момент.

– Прогуляемся дотемна, гражданин начальник?

Андрей глянул на подругу:

– Мысли читаем, Капчага?

Мариэтта радостно кивнула: из приподнятого капюшона куртки торчала только макушка, повязанная вишневым платком, да сияли раскосые глаза.

– Знаете, коллеги, когда вы друг другу так улыбаетесь, мне хреново, – жалобно сказал Генка. – У меня депрессия к единице подкатывает. Я завистливый.

– Не ври, – сказала Мариэтта. – Тебе одной девчонки всегда мало будет. Ты – енот-потаскун, Геночка.

– Я же не виноват. Это гормоны. Я если влюблюсь, одну-единственную любить буду. С остальными только так... чтобы не обижались. Я добрый.

– Так, идите-ка вы лесом, в смысле тундрой, с такими разговорами, – сказал Андрей. – Дотемна хорошо прогуляемся. Может, инженер где-то здесь и лежит?

Снег был не такой уж глубокий. Шагалось нормально. От ходьбы агенты согрелись. Андрей только беспокоили Мариэттины «мародеры» – обувь на мороз уж точно рассчитана не была. Но подруга заверили, что, как только ноги промерзнут, она начнет «скулить и проситься на ручки».

– Слушайте, а здесь живности полно, – сказал Генка, рассматривая то и дело попадающиеся следы. – Вот бы поохотиться. Я всю жизнь мечтал. Чтобы не на двуногих и не на бешеных собак. Этих я настрелялся. Чтобы для пищи. Чтобы костер, шашлычок, супчик. Хвосты на шапку. Чтобы не просто так живой твари башку сносить.

– Понимаю, только смотри, чтобы тебе самому «котелок» не огрызли, – Андрей показал на крупные отпечатки. – Это уже не песцы.

– Ой, а там еще крупнее, – сказала Мариэтта.

Агенты полюбовались на следы. Если это и были волки, то весьма эксклюзивные. Андрей пытался прикинуть – до каких же размеров дорастают здешние хищники?

– Заповедник, блин, – констатировал Генка и достал из рюкзака «Фермера».

Андрей передвинул под курткой кобуру и помог Мариэтте с ее ненаглядным «смит-весомом». Закрепили кобуру-приклад.

– Руки в тепле держи.

– Не волнуйтесь. Я разумно, – пообещала девица.

– Разумно будет, если я их сразу картечью угощу, – проворчал Генка.

– Еще разумнее, если мы с представителями здешней фауны вообще разминемся, – заметил Андрей.

Следы уводили вверх по склону – прошедший здесь Батюшко намеревался миновать низины, выходящие к морю. Логично, там наверняка снега по грудь. Вот только куда так уверенно двигался турист-инженер?

– Слышь, Сергеич, а эти, которые волки, похоже, его пасли, – прошептал Генка. – Вон, по обе стороны следом шли.

– Может, это позже было?

– Вряд ли. Зверюги солидные, чего им по холодным следам бегать? Как бы Маня не огорчилась.

– Вы чего перешептываетесь? – возмутилась осквернительница могил. – Я дура, да? Абзац какой-то! Думаете, если я то, что от нашего Беркута осталось, воочию не видела, так и не догадываюсь, как обгрызенные мослы выглядят?

– Мы тебя корректно подготовить хотели. Как истинную леди.

– Если как леди, тогда ладно. Я подготовилась. Сожрали его, да?

– Есть такая вероятность. Но, может быть, и ушел. Вон он как целеустремленно шагал.

Батюшко не ушел. По следам можно было отчетливо прочесть, как он угодил в западню, устроенную хищниками. Очевидно, двое волков неторопливо подгоняли человека, оставшаяся стая поджидала у распадка. Батюшко успел догадаться, но путь у него оставался лишь в долинку, в глубокий снег. Человек пытался бежать, увязая в снегу, все понял и у невысокой скальной стены принял бой.

– Черт, храбрые у нас инженеры, – сказал Андрей, стаскивая с головы кепи. – Я и не думал.

– Значит, у него нож был, – Генка оглядывал пяточок, истоптанный следами и розовыми пятнами. – Эх, вот она, судьба!

– Мань, ты бы все-таки не подходила, – тоскливо предупредил Андрей. – Нам сфотографировать нужно, собрать, что осталось.

– Я леди, а не кисейная барышня. И вообще мне в стороне торчать не по кайфу.

Все трое агентов одновременно вздрогнули – на сопке, что осталась за спиной, раздался басовитый вой.

- Твою дивизию, прямо мамонт какой-то, – пробормотал Генка.
- Делаем дело и сваливаем, – приказал Андрей. – Маня, присмотри за тылом.

Поскрипывал под подошвами снег, сверкала вспышка фотоаппарата. Андрей складывал в мешок разбросанные кости. Хотелось найти и череп, но на окрашенном снегу остались лишь оранжевые обрывки ткани. Куртка, та самая за две тысячи евро.

- Голову, наверное, разгрызли, – сказал Андрей.

– Хреново. Слушай, считаешь, он о волках думал или они сами пришли? – Генка рылся в снегу у подножья скалы.

- Не важно... – Андрей осекся.

Снова взвыли звери, сразу в двух местах. В сгущающейся темноте зов производил гнетущее впечатление. К счастью, угрожающий вой слышался за сопкой, что высилась чуть дальше от берега.

– Уходим. Все равно у Батюшко близких родственников нет. Похоронят в закрытом гробу и без головы. Он не обидится.

- Андрюш, там, по-моему, собаки, – вздрагивающим голосом сказала Мариэтта.

Андрей скинул капюшон, – дуновения морозного воздуха доносили отдаленный собачий лай. Оттуда же, из-за сопки.

- Собаки так собаки. Они местные, а мы нет. Собираемся.

- Начальник, ты что?! А если волчары охотятся на кого?

- У них своя охота, у нас своя. Мы работаем. По заданию, между прочим.

- Ну и что, задание? – заворчал Генка. – Давай глянем. У нас три ствола – риска никакого.

А там сожрут кого-нибудь.

– Так нас и сожрут. Мы же не егеря и даже не охотники-любители. И вообще у нас лицензии нет.

– Не шути! – Глаза Мариэтты сузились. – Мы люди. По принципу надо. Если из-за меня боишься...

– Всё, дискуссия окончена, – Андрей глубоко вздохнул. – Генка, мы хоть на сопку подняться успеем? Они же движутся.

– Так успеем! Мы живо! Давай сюда мужика, – Генка подхватил мешок с останками, запрыгал через снег.

Лезли на склон: Генка впереди, отыскивая путь поудобнее. Хвататься за обледеневшие уступы было страшно. Андрей чувствовал, как лопнула тонкая перчатка.

- Как коленка? – Мариэтта резво поднималась рядом.

- Что коленка, ты озирайся. Сдается, за нами тоже приглядывают.

- Уловила. Лапы всем перебьем.

Собственные лапы пока не подводили. Колено скрипело, но работало. Еще пару месяцев назад такой спуск по крутому склону живо уложил бы на койку. Ничего, еще скрипим.

Ближе к гребню в лицо дохнул ледяной ветер, а вместе с ним донесся отчаянный собачий лай. И человеческий крик. У подошв сопки совсем стемнело, но еще можно было различить двое нарт, сбившихся в кучу собак, копошащиеся у упряжек человеческие фигурки.

- Чего они застряли? – недоуменно спросил Генка. – Дождутся...

- Кажется, уже дождались, – прохрипел Андрей. – Выход-то из долинки того...

Внизу разнесся наводящий ужас вой – волки пели в десяток глоток. Совсем рядом, но ничего не разглядеть.

– Где они, чтоб им... – Генка пытался разглядеть что-то в сумраке, ориентируясь на поведение перепуганных собак.

- Ой, они собак освобождают, – сообразила Мариэтта.

Действительно, фигурка у нарт спешно полосовала ножом постромки, освободившиеся собаки отскакивали, но недалеко, – сбиваясь в кучку за спиной человека, панически визжали и скулили. Человек у вторых нарт что-то предостерегающе крикнул.

– Надо бы спуститься, но... – неуверенно начал Андрей, но в этот миг звери атаковали упряжки. Можно было разглядеть лишь бледные тени, скользящие по снегу. У начальника отделения «КП-29» мелькнула суеверная мысль о духах-демонах, но внизу были все-таки плотские создания, малозаметные в пышных дымчато-белых шкурах. Правда, размеры четвероногих хищников ужасали.

Фигурка у нарт разогнулась – мелькнул огонь, грохнул раскатистый выстрел. Один из волков, взвизгнув, покатился по снегу. Но звери атаковали с разных сторон. Стрелок, не дожидаясь их приближения, отскочил ко второй упряжке.

– В тыл волчарам ударим! – Генка, забыв о скорбном мешке, в снежном вихре покатился по склону к месту схватки.

Остальные силы Отделения устремились следом. Андрей скользил словно на лыжах, получалось довольно ловко, подошвы ботинок оставляли колеи, лишь колено изумленно возмущалось.

– С жопы! – в ужасе взвыла Мариэтта.

Андрей обернулся и тут же, потеряв равновесие, шмякнулся на спину. Группу длинными прыжками настигал огромный белый зверь. Андрей беспомощно скользил на спине – под куртку набивался пронзительно холодный снег. Начальник Отделения катился и понимал, что в жизни не попадет в цель из такого положения. ТГ целил стволом то в звездное небо, то в белое месиво снега. Рюкзак крепко ударило о камень – скольжение резко прервалось, начальника «КП-29» развернуло на девяносто градусов. Зверь безмолвно прыгнул – Андрей машинально выставил согнутую левую руку. «Господи, да не бывает таких здоровенных!» Челюсти сомкнулись на предплечье, волк рванул, едва не выдернув руку из сустава. Андрей завопил, упер дуло пистолета в пушистое брюхо, начал лихорадочно нажимать на спуск. Зверь дергался. Оба, и человек и волк, все еще скользили по склону, возможно, поэтому рука оставалась относительно цела, хотя кости скрипели. Грохнуло, в лицо Андрею ударил клуб дыма. Это Мариэтта бабахнула из своего раритета, вложив ствол в ухо зверя.

– Старый! Старый!

– Нормально. – Андрей кашлял от вонючего дымного пороха.

Вместе отвалили отяжелевшего зверя. Вытянувшийся снежно-седой волчище был чуть ли не вдвое крупнее человека. Мариэтта злобно саданула рукоятью револьвера промеж гаснущих глаз:

– Абзац, паскуда!

– Приклад сломаешь.

– Да, мы Генке помогаем. – Мариэтта откатилась в сторону, поднялась на колено, упирая приклад в плечо.

– А мне кто поможет? – прохрипел Андрей, торопливо меняя в пистолете магазин.

– Так я и... – Слова раскосой осквернительницы могил заглушил грохот выстрелов, и девушку заволокло пороховым дымом.

Вокруг нарт шла драка. Местные вдвоем отбивались от зверей, шустро прыгая через упряжки. Мелькало короткое копье, второй абориген отмахивался крошечным топориком. Собаки в отчаянии набросились на огромного волка и теперь разлетались в стороны с перекушенными хребтами. Чуть левее Генка, встав у крупного валуна, расчетливо расстреливал волков. Грохал «Фермер» – картечь не знала пощады, удачные выстрелы валили сразу несколько зверей.

– Старый, бей их! – завопила из дыма Мариэтта, пытаясь попасть в верткую серую волчицу.

– Ага, а потом просто отплеиваться будем, – пробормотал Андрей, следя за ходом схватки.

Волки, встретив столь активное сопротивление, пришли в замешательство. Светлые тени кружили в темноте. Андрей, удерживая пистолет двумя руками, подбил зверя, уже ухватившего за кухлянку мелкого шустрого аборигена. Волк, схлопотавший пулю в ногу, отскочил: местный воитель с воинственным воплем еще и успел достать хищника копьём в бок. Волчара, взвизгнув, скрылся во тьме. Мариэтта возилась, заряжая револьвер. Генка снес череп матерому гиганту и потом слегка сплюховал. До сих пор он успевал дозаряжать «Фермера» на ходу, но тут патрон упал на снег. Два волка, словно поняв, устремились на парня. Генка сообразил, что не успевает, перехватил ружье как дубинку, другой рукой нашаривал нож...

Андрей, с опозданием крикнув: «Мань, присматривай!» – кинулся вперед. Не успевал. Генка отбил одного хищника ружьем, но второй сбил парня с ног. На рычание, мат и вихри снега словно с неба свалилась небольшая фигурка, махнула топориком. Андрей выстрелил в морду другому волку, Мариэтта, присев рядом, бабахнула и наконец свалила неуязвимую волчицу. Андрей, улучив момент, сдернул с рычащей кучи фигурку в мехах, – человек заверещал и, не глядя, чуть не срубил начальнику «КП-29» руку своим окровавленным топориком. Андрей выругался, отбросил воителя и два раза выстрелил в висок волку. Из-под вытянувшегося зверя забарахтался, выбираясь, Генка:

– Живучие. Хуже чертей, честное слово.

– Ты отдышись, – посоветовал Андрей. – Перерыв.

Действительно, уцелевшие волки исчезли. Догадавшаяся наконец включить фонарь Мариэтта шарила мощным лучом по заснеженным склонам. Луч выхватывал трупы волков и собак, темные пятна крови и разбросанную поклажу с нарт. Уцелевшие собаки, возбужденно повизгивая, жались к людям. Человек, которому Андрей чуть не оторвал капюшон кухлянки, что-то залопотал.

– Виноват, не понимаю. – Андрей попытался интеллигентно вытряхнуть из-под подола куртки набившийся снег. – Мань, чего хотят?

– Не понимаю. Это ж не англиш.

– Чего тут понимать. – Генка старательно вычищал затвор «Фермера». – Извиняется. За топорик. Махала сгоряча, не подумавши.

– Махала?!

– Девушки. Обе, – с удовольствием подтвердил потрепанный Иванов.

– Генка, да ты откуда знаешь? – застонала Мариэтта. – Темно же как в...

– А ты посвети.

Луч фонарика скользнул по невысокой фигурке. Рожица, несколько более раскося, чем у доблестной воительницы ФСПП, смущенно улыбнулась и загородилась от яркого света окровавленной ладошкой.

– Определенно, девчонка, – сказал Андрей. – То-то наш Геночка так на выручку летел.

– Енот-полетун, – мрачно констатировала Капчага и осеклась.

Издали донесся бой барабанов и лай.

– Что, теперь еще и черти? – осведомилась Мариэтта и принялась проверять барабан своего «смит-вессона».

– Не, это подмога, – Генка ухмыльнулся, косясь на щебечущих местных амазонок.

Подмога торопилась изо всех сил, но все равно наверняка бы опоздала: несколько факелов, с десятков бойцов и три десятка настроенных рвать и терзать псов. Собаки с воем и лаем встретились с уцелевшими собратями из упряжек, люди обнимались, со сдержанным изумлением поглядывая на незнакомцев и яркий фонарик в руках Мариэтты. При ближайшем рассмотрении воины в мехах оказались сплошь молодыми девчонками. Две амазонки, принявшие бой с волками, махали руками, с восторгом показывая на героя Иванова.

- Сергеич, нам бы обсушиться, чаю попить, – намекнул Генка.
- Ладно, пойдем, если приглашают. Ты ж без славы помрешь.
- Не помру, но как-то невежливо будет.

Поднялась страшная суета – аборигенки возились с нартами, стаскивали в кучу волков и погибших собак, собирали поклажу. Даже гильзы были разысканы в снегу. Материальными ценностями племя швыряться явно не собиралось. Генка был в гуще работы.

Андрей с Мариэттой стащили со склона убитого волка. Зверюга был тяжел, как молодой бычок.

- Гражданин начальник, если я хвост этому монстру отрублю, это будет живодерство?
- Это будет трофей. Только учти, хвостище еще обрабатывать придется. – Андрей протянул свой «экспедиционный».

До стойбища оказалось довольно далеко. Люди и собаки впряглись в нарты. Волокли поклажу с криком и смехом. Пухлая амазонка непрерывно колотила в бубен. Андрей помогал двум смешливым девчонкам нести подвешенную на короткую жердь волчицу. Вообще-то было тяжеловато. Мариэтта тоже согрелась – волокла собаку с переломанными передними лапами. Псына оказалась понятливой: не дергалась, лишь благодарно поскуливала.

Четыре яранги, лай возбужденных собак. Тепло. Маленький, но удивительно приятный огонь в примитивном очаге. Суета хозяек, доброжелательность, от которой совершенно невозможно уклониться. Андрею пытались развязать шнурки ботинок, неуверенно брались за мудреную одежду. Сами хозяйки уже были обнажены по пояс, – в теплой части яранги было действительно жарко. Молодые тела, кожа, отливающая бронзой, темные соски, костяные украшения...

- Скромный ты, начальник, – ехидно заметила Мариэтта. – Смотри, обидишь девушек.
- У меня правильное советское воспитание, – с достоинством заметил Андрей, разоблачаясь самостоятельно.

Вообще-то туземцы вели себя тактично. В стойбище обитали девятнадцать человек, из них всего двое мужчин – косолапый старикан и мальчишка лет восьми. Остальное население состояло из девушек 14–18 лет. Были две женщины постарше и совсем маленький карапуз, изумленно взирающий на суету пуговками-глазами.

Наконец все умудрились рассестся, хотя и в тесноте, но с некоторым удобством. Подали деревянные корытца с вареным мясом, жидким благоухающим жиром и иными яствами. Девчонка, сидевшая справа от Андрея, макнула кусочек мяса в жир, отправила в рот, приглашающе подпихнула гостя в локоть. Все улыбались и мило чавкали. Мясо было ничего, особенно если не думать, в каком именно виде оно бегало при жизни. Генка, сидящий напротив, наворачивал всюю. Вокруг него щебетали черноволосые красавицы.

– Сергеич, Мань, вы кушайте. Народ обижается, может, невкусно? Жир нерпичий, вполне свежий. А вот то, что прэрэм зовется, – колбаска оленья.

– Ген, ты как их понимаешь? – поинтересовалась Мариэтта, обгрызая полоски кожи с подвяленным мясом. – Я ни слова не улавливаю.

– Так они же красноречивые, – удивился Иванов. – Как не понять? Сергеич, ты зелень попробовал?

Андрей утвердительно промычал – квашеная зелень с мясом шла неплохо.

– Генка, а ты не можешь спросить – их не сильно обидит, если я выйду посмотреть на раненую собачку? – неуверенно поинтересовалась Мариэтта. – Ну, на ту, что я тащила? Мне ее абзац как жалко.

Генка после бурного обсуждения с соседками и стариком сказал:

– Они не против. Даже наоборот. Им тоже жалко, но собачка того... Все равно хромая не выживет.

– Живодерские времена, – заворчала Мариэтта, выбираясь к пологу. Андрей и две девчонки, накидывая одежду, полезли следом.

Собачкой занялись в соседней яранге. Андрей подсвечивал фонарем – огня двух крошечных светильников было маловато. Пес скулил, Мариэтта шепотом ругалась. Девчонки переговаривались, в костоправстве они кое-что понимали. Андрей тоже подключился, шины пришлось изготавливать из чьих-то хорошо обглоданных и очищенных ребер. Псина взвизгивала от боли, но терпела. Кости вправили, зафиксировали.

– Вот, будешь какое-то время прямоходящим, – сказала Мариэтта псу, поглаживая пышный загривок.

– Эректусом, значит, – подсказал Андрей.

– Пошленько, гражданин начальник.

– Еще бы. Хомо эректус – человек прямоходящий. А твой дружок, стало быть, канис эректус – собак прямоходящий.

– И откуда вы такой умный, гражданин начальник? Ладно, пусть Эректус. Хотя он, в отличие от всех эректусов, смотри какой умный.

Аборигенки дружно хихикали, словно все понимали. Андрей несколько смутился – раскосые красотки смотрели откровенно.

– Похоже, вы, Андрей Сергеевич, можете выбрать, – небрежно сказала Мариэтта. – Девы здесь истосковавшиеся, а я вполне понятливая. Они вообще-то обе симпатичные. Так что...

– Нет уж, это по Генкиной части. Пошли прэрэм доедать.

Пес на своих «костыликах» благодарно запрыгал за людьми, но в тепло его не пустили. В яранге и так было тесно – голый по пояс Генка демонстрировал народу достоинства «Фермера». Девчонки благоговейно внимали, разглядывали патроны. С огнестрельным оружием здесь были неплохо знакомы – имелось два до изумления разболтанных однозарядных ружья.

– Толковый народ, – с удовольствием сказал Генка. – На лету все схватывают. И совсем не суеверные. В луну и солнце только верят.

Девушки по очереди мерили футболку гостя и хохотали. Старик грозил кривым пальцем. Тихо постукивал бубен. Почему-то было удивительно уютно.

– Старый, если бы мне кто сказал, что я моржовой колбасы обожреть, – в жизни бы не поверила, – заявила Мариэтта, облизывая пальцы.

– Колбаса оленья. Вот тот рулет – моржовый. Кажется, кымчыт называется.

– Я смотрю, вы местных леди с полуслова понимаете. Ты себе парочку подружек выбрал? Все к тому идет. Никто не против. И я в том числе. Я девушка продвинутая, без предрассудков.

– Мерси. Только ты меня окончательно не развращай. Можно я целиком и полностью на тебя сосредоточусь?

– Ну, сильно возражать не буду. – Мариэтта улыбнулась. – Плохая из меня развратительница.

Бубен тихо постукивал в соседней яранге, оттуда доносились приглушенные взрывы хохота. Андрей пил чай со стариком. Мариэтта свернулась, положив голову на колени начальника. Чай был крепкий, пили с крошечными кусочками пайкового шоколада. Старик покачивал головой, рассказывал, аккуратно прихлебывая из щербатой чашки. Общую суть Андрей ухватывал – жесты старика были доходчивы. У рода наступили тяжелые времена: охотники погибли, детей мало. У соседей на заходе так же. На восходе вообще люди кончились. Плохие времена.

Рядом со стариком сидел мальчишка, с восторгом рассматривал Генкин вороненый инструментальный нож. Утомленный карапуз, раскинувшись, посапывал с другой стороны.

– Что ж они так? – сонно сказала Мариэтта. – Мужиков порастеряли. Так и совсем вымереть можно.

Старик снисходительно улыбнулся, показал пальцами в шрамах.

– Говорит, у моей подружки красивые глаза. Как у настоящих людей, – перевел Андрей.
– По-моему, он сказал – у твоей жены. Я, между прочим, не совсем еще сплю. Старый, как мы их понимаем?

– Все мы люди, все мы человеки.

Старик еще шире улыбнулся, показывая беззубые десны, и принялся подливать чай.

Бубен в соседней яранге все еще постукивал – отгонял злых духов. А может быть, призывал луну не спешить.

Андрей обнимал девчонку, осторожно дышал ей в затылок. Лежать на мехах было удобно, никаких диких запахов Андрей уже давно не чувствовал. Вот только волосы Мариэтты прямо пахли далекими солнечными травами. Капчага лежала неподвижно, но не спала.

– Мань, а ты знаешь... – прошептал Андрей, едва ощутимо касаясь губами теплой шеи.

– Знаю. Ты меня любишь. Я давно знаю. Мне не обязательно говорить. Я тебя всего знаю, Старый.

Тишина. Только потрескивание огня, рокот бубна. Далеко взвыл волк, немедленно ответили собаки – это тоже тишина. В эту ночь ничего не случится.

– Знаешь, мы могли бы здесь остаться.

– Ага. Только у нас дела. Генка останется.

– Думаешь?

– Ты и сам так думаешь. Самое место здесь Иванову. Он здесь нужен. Если, конечно, сегодня пополам не перетрется. Кобелище ужасный. Они его обожать будут.

– Все к лучшему. Мань, я тебя хочу. Только не сейчас.

– Ой, расстроил. Конечно, не сейчас. Старый, я с тобой как сто лет живу. И, что прикольно, не надоело. Обними покрепче...

* * *

Генка слегка осунулся, но выглядел бодрим.

– Сергеич, тут такое дело...

– Хм, дай угадаю. Оставить тебе инструмент и передать привет Хеш-Ке?

– Ну, типа того. Она самая прекрасная из всех распрекрасных, но тут дело в другом...

– Да не мнись ты. И так понятно.

Разговаривали на свежем воздухе. Воздух казался хрустальным от мороза, но солнце сияло и летели по снегу веселые тени. Стойбище взялось за утренние хлопоты, только две девчонки, скобя нарты, не сводили тревожных взглядов с молодого пришельца.

– Сергеич, я им вправду нужен, – нервно пробормотал Генка.

– Да что ты заладил? Ты человек свободный. Жаль такого бойца оставлять, но тебе «добро» свыше дали. Значит, имеются основания.

– Да что там «основания», главное, вы с Манькой на меня не обижайтесь.

Андрей обхватил парня за плечи:

– Оставайся, дурак. Решил, так оставайся. ФСПП – организация мощная, замена бойцу найдется. Мы, конечно, заскучаем. Так что нам мешает в гости заглянуть? Уж чтобы кружка чая и кусок прэгрэма всегда имелись.

– А то! НЗ всегда будет. – Генка засмеялся, махнул рукой сердечным подружкам. Те, взвизгнув, побежали к слегка оторопевшему Андрею. В следующий миг барышни неумело трясли руки начальнику «КП-29» и хохотали. Андрей не удержался, прыснул. Мариэтта обхватила девчонок:

– Эй, смотрите, мы его бодрим и работающим оставляем! Не заморите стервеца.

Оказалось, что стойбище не работает, а дожидается решения пришельцев. Генка здесь действительно был нужен. Гости мгновенно оказались окружены, все смеялись, осторожно тро-

гали за одежду. Андрею мгновенно презентовали искусно сплетенную подвеску непонятного назначения.

– Ай, – сказала хохочущая Мариэтта, – этак они и тебя уведут. Может, это любовный амулет? Приворожат даже без бубна.

– Вряд ли, меня уже жуткая осквернительница могил захомотала.

* * *

Настоять, чтобы не провожали, было трудно. Солнце уже сияло над сопками, казалось, даже на заснеженные склоны лег намек на весну. Остатки «КП-29» уходили налегке – все раздали, кроме личных стволов и фотоаппарата. Андрей пощупал живот и покачал головой:

– Я столько чаю в жизни не пил.

– Хороший народ. – Мариэтта вздохнула и сказала увязавшемуся за гостями Эректусу:

– Всё, поворачивай, тебе вообще лежать нужно.

Пес насторожил уши – левое было порядком порвано. Восторженно гавкнул.

– Да я тебе все скормила, – с сожалением сказала Капчага. – Одни патроны в кармане болтаются. Иди домой.

Пес дал почесать себя за ушами, развернулся и бодро поковылял к стойбищу.

– Вот ни слова не понимают, а всё всем понятно, – печально сказала Мариэтта. – А у нас объясняешь, объясняешь – как глухие.

– Пойдем, осквернительница. Нам еще отчет писать. Хорошо, что глухие читать умеют.

– Идем. – Мариэтта обернулась. Эректус сидел на вершинке, увидев, что на него смотрят, коротко взвыл.

– Провожают!.. – Капчага всхлинула. – А встречать нас некому. Вот жизнь, а, Старый?

– Жизнь, она такая. Только встречать нас будут. И координаторская группа, и милиция.

И еще одно хвостатое. Небось уже орет-ругается, что утренним молоком и сосиской не обеспечили. Склочное животное, между прочим.

– Ох, пойдем. Я, кажется, дверь в пищеблок плохо захлопнула.

Глава 3

Зачем Топтать Свою Любовь

Deutschland Radio. «Власти города Киль называют эвакуацию с судов в Любекской бухте «национальным позором». Водолазы продолжают работы...»

Радиостанция «Шансон-24». «...А теперь давайте поднимем настроение слушателям. Для вас поет Григорий Морг. Слушаем «Рухнувшую звезду»...»

www.dom.666.2. «Хохрякин и Золотницкая провели ночь вместе! «...!» – сказала Музыкина. Что ответят влюбленные?!»

Из сводки ФСПП **Патрульная служба** *13 мая. 19.45*

– ...Еще раз повторяю: со службой вы знакомы, разжевывать и на азы напирать никто не собирается. Да и некогда. В специфику втянетесь в процессе. Вопросы есть? Нет? Отделение, встать! На выход...

Класс зашумел, два десятка парней и мужиков порядком проголодались и засиделись. Курсы были краткосрочные, и плотные десятичасовые занятия порядком выматывали. Если учесть поездки на стрельбище и медцентр, так и вообще... Марик подхватил рюкзак, нахлобучил яркий берет: своей формы у ФСПП еще не было, пока выдали эмчезовскую, но с крупными лейблами-липучками нового ведомства на груди и спине.

– Россошко, Шумилову, Морозовскому – остаться...

Тьфу, опять что-то.

В коридоре шумели, а капитан-инструктор без долгих слов вытряхнул из конверта нашивки:

– Выпускаетесь командирами патрулей. Завтра к 7.00 на повторное собеседование к психологам. Звание вам присвоено в любом случае, а распределением они и займутся.

– Так вроде еще три дня занятий, товарищ капитан.

– Сокращаем. Грамотных учить – только портить. Поздравляю со званием. Свободны.

В коридоре Никола Россошко пробурчал:

– Блин, еще и «сопли» прилепили.

– Так и оклад повыше, – заметил рассудительный Морозовский.

– Что мне оклад? У меня уже мозг набекрень без всяких там «свищей» и «проколов».

Жопу отсидел, руки от пальбы уже трясутся. Это надо ж за две недели так человека уделать.

– Чего уж теперь? – пробормотал Марик. – Пойдемте жрать, в животе сосет.

– Так пошли. – Никола помял в пальцах нашивку. – Хоть бы слепили нормально. Вон нитки торчат.

– Торопились...

Марик заехал в «Космический». Вообще-то теперь избегал здесь отовариваться – знакомых больно много, да и ощущения не очень-то... Но сегодня повод был. Набрал продуктов, бутылку светлого чилийского – Светке оно нравилось. Потом поднялся наверх. Медведей оставалось всего два. Наверное, того самого, прыгучего, и не было – списать были должны. Ну да все равно. Розовый крупный зверь сел в тележку, глуповато, но довольно улыбался.

– Вас раньше отпустили, что ли? – Светка брякнула на стол сковороду и спешно резала хлеб.

– Угу, выпуск у нас завтра.

Подруга немедленно замерла, через секунду хлопнула носом. Да, с этим у нее быстро.

– Брось, – сказал Марик, ставя бутылку чилийского. – Нервы нервами, а мне уж точно спокойнее будет. Я ж тогда чуть в штаны не наделал. Теперь хоть ствол на службе будет. Время сейчас смутное...

– Дурак. Успокоил, называется.

– Так я успокою, – пообещал Марик, обнимая подругу сзади. – Сейчас по капельке...

– Точно, дурак. Я же тебя теперь и не вижу почти.

– Чего на меня смотреть? Так, пощупала иногда, и ладно. А когда меня нет – вот тебе для тактильных ощущений...

Светка потрепала глупого розового зверя между ушей:

– Господи, вот же придумал. Что я тебе, маленькая?

– Не, это я маленький. Что-то к игрушкам потянуло.

– Ага, ты маленький-премаленький...

Картошка остыла. Бутылка янтарно сияла в свете крошечного кухонного бра... Поскрипывало старое кресло... Светка постанывала, закидывая голову... Ох, развалится когда-нибудь кресло. Опять хозяева нудить начнут...

* * *

Окончательно проснулся Марик уже на собеседовании. Сначала новый врач просканировал будущих командиров патрулей, курсанты ворчали – о негативном воздействии полевого томографа на потенцию ходили самые нехорошие слухи. Потом, очевидно, в качестве стимула для воспроизведения этой самой потенции заявила психолог. Очень даже такая... бодрящая девушка. Ну, не то чтобы по возрасту девушка, но откровенно хороша. Садиться не стала, оперлась об инструкторский стол, улыбнулась лучезарно:

– Коротко, товарищи бойцы. О текущих событиях, задачах и целях ФСПП вы знаете. Надежды, что на вас город возлагает, несомненно оправдаете. Так что мозг я вам выносить не стану. Сами спрашивайте. Меня Наталья Юрьевна зовут. Специалист я относительно осведомленный, могу растолковать всё, что входит в ваш допуск, и даже чуть больше.

Россошко кашлянул:

– Извините, Наталья Юрьевна, вопрос-то, наверное, непосредственно к командованию. Почему именно нам лычки дали? Лично я точно не заслужил. Зачеты сдавал средненько. Медицину – вообще с пересдачей.

– Но сдал ведь? – психолог улыбнулась. – В целом вы подходите. Кроме того, каждый прошел обследование. У всех уровень коэффициента Экст выше единицы. До поисковиков вы не дотягиваете, но и принижать ваши таланты и способности не стоит.

– У меня Экст меньше 0,5, – сказал Марик.

– Так у вас, Шумилов, личный опыт противодействия. Сейчас такой опыт на вес золота. Если вы не против, я с вами отдельно побеседую. Очень мне будет полезно как профессионалу. Что касается звания, то в ближайшем будущем пройдет реорганизация структуры. Вводится новое штатное расписание, гм, если не ошибаюсь – взводного и ротного звена. Работать будем и одновременно формироваться. Опыт появится, новые наработки...

– Значит, опыт скоро появится? – мрачно уточнил Морозовский.

– Вот в этом нет ни малейших сомнений. – Психологша смотрела прямо в глаза высокому курсанту. – Готовьтесь, бойцы...

Беседа была действительно короткой. Новоиспеченные командиры патрулей вывалились покурить, а Марик остался с психологом.

– Да ты садись. И рассказывай. – Наталья Юрьевна села за первый стол, и Марику пришлось устраиваться рядом.

– Значит, я нес службу на контроле торгового зала непродуктивных товаров...

– Стоп. Рапорт я читала. Внимательно. Просто расскажи о собственных впечатлениях и мыслях. Можно не в хронологическом порядке...

Марик рассказал. Путаясь, перепрыгивая с одного на другое. О глазах «палача из «Космического», о торговом зале, который казался бесконечным... О храбром медведе...

– Вот это да... Розовый, значит? – Наталья Юрьевна, по-девичьи подперев подбородок рукой, восторженно слушала. – Может, он медведица?

– Скажешь тоже. Китайцы до таких извращений еще не додумались.

– Да я не в этом смысле. – Психолог хихикнула. – Там эти медведи еще остались?

– Один остался. А предпоследнего я вчера купил. Может, на складе...

– Да я на твоего не претендую. Просто хотелось взглянуть. – Наталья Юрьевна, которая казалась уже не холеной журнальной красавицей, а просто симпатичной специалисткой-коллегой, выудила из сумочки визитную карточку. – Вспомнишь еще что – звони. Это центральная диспетчерская психологического центра ФСПП. Но мне обязательно всё передадут.

– Ага. Только я вряд ли что еще вспомню. Там и было-то минут пять.

– Так не только по «Космическому». Если что-то этакое еще возникнет. Хотя бы и на твоём собственном психологическом фронте. Мы в этой сфере затяжные бои и ведем. Тебя, извини, как лучше: Марат или Марик?

– Да к Марику и привык. Марат сильно... революционно.

Наталья засмеялась, протянула узкую ладонь:

– Успеха, Марик.

В коридоре подвалили сослуживцы:

– Во, охмурила секс-бомба?

– Ага, – согласился Марик, – профессионально сцапала. Но пользы от нее, видать, побольше, чем от нас, новобранцев с «соплями».

– Мне срочно нужна сексуально-психологическая помощь, – озабоченно заметил Сашка.

– Так для начала к штатному обратись.

Парни заржали: оба штатных психолога Патрульного центра подготовки без труда вскидывали на стол почти стокилограммовый кофр «двуликого януса». Прямиком из армейцев перевели мощных специалистов.

* * *

Самое странное, что сдавать личное оружие не требовалось. Наоборот, начальство рекомендовало носить стволы при себе и в неслужебное время. Автомат – можно и в оружейку. Но патрульная машина постоянно у закрепленного водителя, бронежилеты и спецоснащение в усиленном багажнике. Поговаривали, что скоро для всех служб ФСПП будет официально введен режим постоянной готовности.

Марик шел по проспекту 60-летия Октября, нес пакет с бананами. Пока торчали на вызове у Даниловского, успели затариться. Фрукты на тамошней базе на диво дешевые, и хотя

особо экономить смысла не имелось, инстинкт всё одно срабатывает. Тем более проторчали долго, хотя вызов был ложным. Кладовщик сам повесился. Сканирование ничего не дало. И хотя тамошнее УВД изо всех сил «стрелки переводило», не желая на себя дело брать, все равно пришлось им оформлять. Координатор ФСПП в конце концов «полицаев» откровенно послал. Да, жертва себя на шестиметровой высоте подвесила. Ну и что такого? Лестницу имел мужик, вот и взобрался. Может, в детстве летчиком мечтал стать. Не срослось, вот и...

Вообще срасталось все трудно. За неделю службы Марик втянулся, начал улавливать нюансы. Взять хотя бы контакты с милицией-полицией. Там всё еще по-старому мыслят. Но даже не это пугает, а плавное, но неуклонное давление собственного руководства. Что там, наверху, такое страшное знают? Хотя бы Наталью свет Юрьевну вспомнить. Вовсе не зараженный «Психой» человек с топором её пугал и не покупатели порубленные. Шире наверху смотрят, масштабнее...

Марик пощупал локтем ПМ. Новая кобура под курткой пристроилась удобно. Три запасных магазина в чехле-подсумке пистолет уравнивают. Пока самое лучшее ФСПП дают, не жмотничают. Но когда тебе приказано такой боекомплект на себе таскать, невольно задумаешься. Это доверие такое, или уже им, наверху, наплевать? Не имеет уже один ствол, один человек особой ценности. Даже двенадцать порубленных душ в «Космическом» особо не удивляют.

Все-таки не понять. Всплеска терроризма и прочих поганых вещей пока не наблюдалось. Несколько процентов роста, но это запросто можно списать на весеннее обострение, на погоду... Вон мерзость какая на улице. Ночью чуть ли не минус будет...

Но странно, конечно, теперь люди умирают. Взять сегодняшнего кладовщика. Ведь едва сняли эмчээсовцы с такой вышотищи.

Бананов нужно было поменьше взять. Всю руку дешевый фрукт оттянул. Марик срезал двором, прошел пешеходной дорожкой, вышел на Ферсмана. Снова начало моросить с темного, почти ночного неба... Может, того... граммов сто принять? Светка, естественно, не одобряет, но в целях профилактики. А то колесишь целый день как бездомный...

Угу. Утром в сводке было. Патрульный экипаж завернул на заправку на Профсоюзной. К бойцам подвалил бомж, начал выпрашивать «на пиво». Его мягко направили по определенному адресу. Разобидевшийся бомжара рассупонился и пристроился помочиться прямым на радиатор. Понятно, ребята выскочили, чтобы вразумить. У бомжа оказалась арматурина. Стрелять было нельзя – гоблин вонючий прыгал рядом с колонкой. Его пытались оттеснить к газону. Как назло, рядом оказался инкассаторский броневичок. Один из инкассаторов ни с того ни с сего открыл дверь и бабахнул в бомжа из помповухи. Не попал. Вернее, попал, но не в бродягу, а в «Хонду», въезжавшую на заправку. Водителя (Симонян А.В., 32 лет) – наповал. Младшую Симонян (7 лет) – в крайне тяжелое состояние. Бомжара, воспользовавшись моментом, перешел в решительную атаку. Зазевавшийся командир патруля схлопотал двадцать сантиметров под нижний срез бронжилета, то есть в пах. Остальной экипаж не выдержал и расстреляли вонючку из пистолетов. Разумно стреляли, колонку не зацепили, но череп бомжику все-таки попортили. Инкассатор-снайпер вылез из броневика, глянул на бомжа валяющегося, на патрульного, уцепившегося за ржавую железяку, торчащую между ног. Послушал, как пищит в «Хонде» девчонка с полуоторванной картечью ручонкой. Упер ствол дробовика себе под подбородок и дернул спуск...

Примчавшаяся медгруппа ФСПП просканировала трупы. Симонян А.В. была чиста, у подпорченного бомжа обнаружили фоновые следы, у инкассатора тоже вроде бы что-то нашло, но поскольку содержимое черепа прилипло к потолку козырька заправки, сканировать было трудновато...

М-да, оружие – это такая штука. Надо бы Светку домой отправить, черт с ней, с учебой...

Марик обнаружил, что пересекает трамвайные пути на Вавилова. Ни хрена себе задумался! Мимо дома проскочил, и бананы не помешали. Тьфу, по такой погоде лишние триста метров – не подарок.

...Теперь командир патруля № 143ЮЗ пришел в себя на Ферсмана. Посмотрел на витрину автомагазина, на тротуар. В сером сумраке прогуливались нахохленные голуби. По огромной луже увлеченно катался пацан в желтом дождевике – дутые шины велосипеда красиво рассекали водную гладь.

Черт, да какая тут водка?! И так домой попасть не можем. Марик подхватил пакет с бананами обеими руками, прижал к груди, вдохнул чужеземный аромат и направился назад. Светка просто не поверит...

Помойка, куда сто раз мусор выносил, опять голуби, дорожка через палисадник... Стоп! Опять проскочил...

Накатил страх. Хотелось бросить пакет, побежать...

Десять, двадцать шагов... Бордюры, сходящиеся под острым углом... Здесь всегда срезал к подъезду, если не грязно.

Поднять голову не было сил.

Марик выругался. Этак впору на внеочередное сканирование проситься.

Дом по ул. Ферсмана 5, дробь... дробь...

Адрес из головы выскочил. Но дома-то нет! Совсем нет! Газон раскисший, детская площадка... Дальше отремонтированная хоккейная «коробка». Ну, она-то была. Или не было?

Марик машинально опустил пакет на бордюр – так не испачкается. Дом... Это как? Галлюцинация? На курсах говорили...

От проезда и голубиной помойки целеустремленно шла молодая женщина. Свернула, замедлила шаг, встала, рассеянно открыла сумочку, закурила. Направилась к пешеходной дорожке, обогнула торчащего столбом Марика.

– Девушка, – сказал начальник патруля в спину обтянутой куцей, не по погоде, курточкой.

– Ой, ради бога, молодой человек. У меня настроение не то, – мягко, но решительно отрезала молодуха.

– Послушайте, мы же с вами в соседних подъездах...

Коротко глянула через плечо:

– Не выдумывайте, молодой человек. В первый раз вас вижу. Идиот какой-то...

Марик сначала плелся следом, потом почему-то оказался у института. Дура какая-то. Чего грубила? Спросить только хотел. Ладно, домой нужно. Светка заждалась...

Марик застонал. Дом-то того...

Возвращался к просторному газону еще трижды. Удалось вспомнить, что рядом еще одна хрущевка стояла. Но номера вспомнить так и не мог. Квартиру тоже. Этаж вроде третий. Но Светку забыть ну никак нельзя.

Амнезия, что ли? Может сразу в медцентр поехать? Врачи хорошие. Но Светка-то как?

Подходили люди, замедляли шаг. Топтались в короткой растерянности. Расходились: кто к метро, кто в сторону Вавилова и Ленинского проспекта. Постепенно ускоряли шаг, обретали уверенность. Подъехала обшарпанная «Мазда», водитель выгрузил детскую коляску, пакеты с продуктами. Постоял, загрузил все обратно и уехал, бибикнув на наглуую кошку.

Кошку Марик вообще не помнил. Как же так? Может, просто с другой стороны к дому подойти?

Опомнился, сидя под «грибком». Было сыро, пакет испачкал брюки. Марик оторвал от грозди банан. Совершенно безвкусный.

Лужи, мокрая трава. Асфальт, угол дома... Нет, не того. Господи, Светка, ты только найдись...

Табличка «РЭУ» Академический... Был ведь здесь, определенно был. Когда батарея отопления потекла, заходил...

В диспетчерской сидела моложавая блондинка, пристально смотрела в монитор. Наверное, пасьянс раскладывает.

– Извините, я по поводу дома номер пять...

– Пятый по Вавилова – не наш участок, – вежливо проинформировала блондинка.

– Нет, пятый по Ферсмана.

Диспетчер наконец оторвалась от монитора:

– Молодой человек, вы адрес проверьте. Нет у нас пятого по Ферсмана.

– Как нет, я же к вам приходил насчет трубы. Дом пять, только дробь я забыл.

Блондинка потянулась было к журналу регистраций, опомнилась и рассердилась:

– Молодой человек, я здесь шесть лет работаю. Нет на Ферсмана пятого дома. Ни с дробями, ни с дополнительными строениями. Снесли давным-давно.

– Как снесли? Когда?

Блондинка снова слегка запнулась:

– Так не помню я. Еще до меня было. Послушайте, вы адрес-то свой проверьте. Что ищете? Может, третий номер или пятнадцатый? Часто путают. Понимаете, тут такие кварталы...

Марик кивнул и пошел к двери.

– Ой, молодой человек, сумку забыли!

– Я сейчас...

На улице, под тусклым фонарем, висящим на козырьке подъезда, вынул телефон. Потом поспешно полез в паспорт. Временная регистрация: Ферсмана, дом... Тут свет проклятого фонарь предавал – не разберешь цифру: пять, три, пятнадцать? На миг показалось что улица вообще не Ферсмана, а какого-то Ферстера⁹. Или Фейербаха?¹⁰ Были вообще такие?

Телефон служебный, все номера заранее забиты. Медцентр ответил сразу.

– Патруль сто сорок три ЮЗ. Отдыхающая смена. Командир Шумилов. Нуждаюсь в срочном сканировании. И это... Пришлите кого-нибудь разобраться. И координатора...

Из двери РЭУ выскочила блондинка:

– Ой, догнала! Пакет-то... Да что случилось?

Марик сел на мокрую лавку:

– Сейчас подъедут и разберутся. Вы, случаем, не курите?

* * *

Мощный прожектор тягача высвечивал газон и мокрую детскую площадку. Оцепление уже сняли – не от кого было охранять никому не нужный пустырь. В фургончике МЧС плакала женщина все время, то забывавшая, то вспоминая, как звали ее пропавшую дочь. Курили два мужика: отец с сыном, рядом сидел поскуливающий мокрый спаниель. Нескольких человек, потерянно круживших вокруг квартала, эмчээсовцы уже отправили в гостиницу.

Из штабного автобуса наконец начало выходить начальство. Двинулось к машинам с мигалками. Марик перехватил высокого сухощавого мужика – вроде как из старших:

⁹ Ферстер Отфрид (1873–1941), немецкий невропатолог. Труды по локализации мозговых функций, хирургическому лечению эпилепсии.

¹⁰ Фейербах Людвиг (1804–1872), немецкий философ.

– Товарищ, извините, не знаю, как вас по званию...

– А, патрульный? Шумилов, кажется? Ты вот что, не волнуйся. От службы пока отстраняешься. Главное – не психуй. Соберем опытную опергруппу – разберутся. И спасибо, без тебя бы черт знает когда спохватились. А пока отдыхай. С наскака тут ничего не прояснишь. Но разберемся.

– Где? Где мне отдыхать-то? – глупо спросил Марик.

Начальник вздохнул и крикнул куда-то в темноту:

– Жень, подвезите, пожалуйста, парня до нового общежития.

Парень в военной куртке отвел Марика к белой «Тойоте». Пришлось втиснуться на заднее сиденье, рядом с грудой замысловатого компьютерного оборудования. Майор-армеец, сидящий за рулем, обернулся:

– Ты, боец, поаккуратнее. Наш комплекс – штука штучная.

Парень что-то негромко сказал, майор обернулся еще раз:

– Ты в окошко кури. Сейчас мигом докатим.

Марик стало вовсе невмоготу: глянули, словно на родственника пок... Нет, так и думать нельзя! Не могла Светка... Это вообще целых два дома. Несколько сотен человек.

Выехали на Вавилова. Парень, тот, что Женька, обернулся:

– Тут рядом. Хорошая общага. Спокойная. Я там вчера был.

– Спасибо, – пробормотал Марик.

Свернули на Третье кольцо, потом сразу в темноту. Новые глухие ворота. Женька распахнул дверь машины:

– Ну вот, пойдём, я коменданту скажу.

Рядом с воротами имелась на вид нежилая дверь. Проводник нажал на кнопку, дверь, похоже, бронированная, медленно двинулась в сторону. Глухой тамбур.

– Подождать придется, – пояснил Женька. – Порядок здесь такой.

Марик понял, что вошедших сканируют. В тишине что-то едва слышно гудело.

– Слушай, а с домами что, совсем... Ну, безнадежно? – с тоской пробормотал Марик.

Женька достал из кармана кожаный футляр, извлек модные дорогие очки и начал тщательно протирать. Посмотрел на просвет – светильники под потолком были, похоже, в бронированных плафонах. Спрятал отполированные окуляры, сунул чехол в карман и мрачно сказал:

– Во-первых, я не спец. Во-вторых, меня старшие товарищи учили быть жестким. Фиг знает, как с этими домами получится. Но уж точно – искать их будут всеми силами и средствами. Можешь быть уверен.

Жужжать наконец перестало. Массивная дверь поехала вбок. Женька вошел первым, поручкался с крепышом-офицером. Они о чем-то говорили, а Марик сел на жестковатое кресло и попытался ни о чем не думать. Женька подошел, сунул руку:

– Держись, братан. Проясняются обстоятельства – до тебя доведут. Ты бы стакан принял. Имеет смысл. У народа должно быть...

Марик кивнул. Зажужжала дверь.

– Шумилов, – окликнул офицер из-за высокой стойки. – Ключ держи. Блок 2–86. Оружие сразу запрешь...

Коридор, запах свежей краски. Двери с окошками, как в тюрьме. Безлюдье, эхо шагов. Двери, двери, двери... Навстречу попался единственный человек: лысый мужик шлепал в легкомысленных вьетнамках, с накинутым на шею полотенцем – явно из душа.

2–86 – трафарет на мощной двери. От прикосновения карты-ключа электронный замок послушно щелкнул. Койки в два яруса, два стола, холодильник... Теснота, хотя часть коек еще не собрали – спинки и сетки сложены пирамидой у стены. Экран телевизора, под ним

сейфовые ячейки. Марик снял куртку, отстегнул ремни кобуры, сунул оружие и магазины в ячейку. Защелкнулась с мягким звуком. Номер бы не забыть...

Командир патруля 143ЮЗ сидел на добротном табурете. Водку искать не хотелось. Ничего не хотелось. Смотрел на матрацы, на ворох запаянных в целлофан шлепанцев, на три детских горшка, сунутых прямо на стол рядом с раковиной. Господи, да к чему же они готовятся? Что вообще с нами будет?

Мля, с тобой хуже уже не будет. Марик повалился на новенькое, мягкое, совсем не армейское одеяло. Вентиляция работала хорошо, но все равно блок пах новым, необжитым. А чудился запах жареной картошки, тусклый уютный свет. Светка, Светочка...

Глава 4

Лукоморья больше нет

ИТАР-ТАСС. «Обострение обстановки на Кавказе никак не связано с событиями в Турции. МИД России решительно осуждает бойню в Анкаре...»

BBC News. «ООН выражает обеспокоенность в связи с участвовавшими авариями на АЭС. Доклад генерального директора МАГАТЭ назначен на...»

«Московский кроманьонец». «Что бы там ни случилось – мы предупреждали!»

Из сводки ФСШ
Поисковая служба
Отделение «Боспор-29»
14–18 мая

– Фы! Шшшшши! – Пуштун счел продвижение в «свой» конец коридора вторжением на суверенную территорию и выражал величайшее негодование.

– Пристрелю, – спокойно напомнил Андрей.

– Фшш! – возмутился котяра, но уже полутонем ниже.

Андрей прошел мимо, – кот сделал вид, что не видит, демонстративно отвернулся и устоялся в стену, только кончик хвоста раздраженно дергался по полу.

– Кормим тебя совершенно зря, – заметил смотритель «Боспора».

Кот благоразумно промолчал, но принялся яростно умываться, – уверенность, что кормили и будут кормить, у Пуштуна имелась, но прямолинейно возражать животное опасалось – вожак есть вожак, хотя что в нем нашла хозяйка холодильника, понять вообще невозможно.

– Сам ты пудель блохастый, – сказал Андрей милому животному.

Взаимопонимание с домашним питомцем вроде существовало, но никаких плодов не приносило. В родословной Пуштуна наверняка отмечился кто-то из ослиной породы. Экое концентрированное воплощение упрямства. Все двуногие, кроме Мариэтты, ему, понимаешь ли, не нравятся. А что другим не нравится, когда наглые коты хозяйничают по всему кинотеатру, так на то наплевать.

В конце коридора обнаружился роскошный лоток, приобретенный добросердечной Мариэттой в фирменном зоомагазине. По назначению сортирное приспособление не использовалось, но почему-то кочевало по всему третьему этажу, оказываясь в самых неподходящих местах. Ночью пластиковое судно еще и тархтело, – что с ним вытворял Пуштун, оставалось неизвестным. Хотя, надо признать, гадить где попало кот перестал.

Андрей принялся возиться на складе. Пока имелось время, нужно навести порядок.

Стояли странные пустые дни. За неделю сократившееся до минимума Отделение «КП-29» провело единственную операцию. Вытащили дамочку, провалившуюся в неприятно урбанизированную «Фату». Жертва торчала на многоэтажной эстакаде, со всех сторон пронесились каплевидные яркие экипажи. Идти там было абсолютно некуда – даже в небе скользила непрерывная череда аппаратов. Пешеходов вроде бы не существовало в принципе. За эстакадой угадывались высокие огни, – возможно дома, но рассмотреть их было невозможно из-за серо-лилового смога. Исследовать эту удушающую «Фату» абсолютно не хотелось. Пострадавшую вытащили и отправили напрямиком в больницу, – кроме нервного шока, бедняжка схлопотала и серьезное отравление.

После дымно-вонючего «скольжения» прошло пять дней. Вызовов не было. По всему Московскому региону не было. Андрей с Мариэттой дважды ездили в Центр, – пользуясь передышкой, ФСПП проводило семинары. Было довольно любопытно, хотя львиную долю времени посвятили разъяснению будущей реорганизации структуры Службы. Удалось даже выпить кофе с начальством. Мариэтта удостоилась неформального общения и вела себя поразительно цивилизованно. Наталья с неподдельным интересом расспрашивала девушку о личных ощущениях во время «скольжения». Андрей не без удивления узнал, что, по статистике, женщины на треть удачливее в работах с «Фатой». Александр Александрович был мрачен: неожиданное затишье казалось преддверием большой бури. Впрочем, об этом говорило все ФСПП.

Андрей успел закончить со стеллажами: запчасти к древней киноаппаратуре являлись большой ценностью. Если «Боспору» суждено принять новых зрителей, то...

– Начальник, кушать подано. Идите жрать, пожалуйста. – К косяку двери привалилась Мариэтта.

Из глубин коридора нетерпеливо мявкнул Пуштун.

– Иду-иду, чего сразу ругаться? – заворчал Андрей.

– Да мы разве ругаемся? – Мариэтта взяла со стеллажа дутую электронную лампу,глянула на просвет. – Надеешься, начальник? Не будет у нас кина. Разве что разок-другой.

– Не каркай. Мы знать не можем. И незачем заранее плакаться.

– Я не плачусь. Просто мы знаем. И незачем хмуриться.

Андрей стягивал перчатки, разглядывая подругу. Она была хорошенькой: в свободном свитере и шортах, в кедах, с большущим револьвером на левом боку. Усердно взбитые гелем пряди челки, и даже «гайка» в носу – все ей шло.

– Что? – Мариэтта обеспокоенно пощупала локтем кобуру «смит-вессона», которым очень гордилась.

– Ничего. Ты очень женственное создание.

– Издеваешься? – Капчага довольно улыбнулась.

В коридоре взвыл чуждый лирике Пуштун.

– Абзац какой-то. И когда же он нажрется?

* * *

После обеда поехали прогуляться. На всякий случай загрузили в джип снаряжение. Нынешняя малочисленность «КП-29» обернулась повышенной мобильностью – на вызов можно было ехать в любую минуту. Резервный хвостатый член Отделения остался дрыхнуть на койке в бывшей комнате Беркут-Томова, – апартаменты Пуштун объявил приватизированными и даже поддерживал в относительной чистоте.

Над Москвой проглядывало робкое солнце, температура поднялась до +8°, но, похоже, привыкшая к холоду и дождю столица еще не очень верила в потепление.

– В аптеку заедем, – строго напомнила Мариэтта.

Андрей кивнул. Ожоги на запястьях вроде бы совсем зажили, работать и заниматься любовью не мешали, но шелушились и временами зверски зудели. Укус на локте заживал быстрее. К повязкам начальник «КП-29» привык, но пора бы от бинтов и избавляться.

Заехали в аптеку на Кантемировской, Мариэтта накупила уйму новомодных трубчатых бинтов и пластырей, еще одну тубу мази – на всякий случай. Колено тоже не было забыто: подруга пунктуально ставила сложные компрессы, хотя сустав и так вел себя примерно. Андрей не протестовал: девчонке просто нравилось лечить любовника, точно так же, как он сам полу-

чал удовольствие, выбирая подружке очередную пару новых джинсов или туфель. Деньги следовало тратить, пока они что-то стоят.

Гулять ездили в Нескучный сад. Было там нечто привлекающее – необъяснимая смесь напряжения и тишины. Ставшие чуткими к странностям мира агенты ФСПП гуляли над склонами к реке, тихо разговаривали и к чему-то машинально прислушивались. Как будто старинные дорожки могли намекнуть на будущее.

– А я будущее знать не хочу. – Мариэтта острым носом сапожка подкинула прелые прошлогодние листья. – Я, может быть, уже счастлива. Пусть все так и остается. В задницу прошлое и будущее.

– Так уж и в задницу? Мань, ты бы разговаривала нормально. Не перед кем здесь понты гнуть.

– Да я по привычке. Но вчера и завтра меня натурально пугают. Можно их отменить, а, Старый?

– Запросто. Это вообще замечательная идея. Скажи, как ее технически воплотить, и начальство тебя мигом в звании повысит.

– Не дразнись. Я натурально хочу хоть разок форму с погонами нацепить. Что тут такого?

– Ничего. Нормальное желание. Если утвердят женский вариант, то в форменной мини-юбке ты будешь неотразима. Шевроны, значки, лычки. Аксельбанты обязательно. Хочешь, я тебе медаль дам поносить?

– Регалии я сама заслужу. Пока куртяшка с погонами и черные ажурные чулки. Юбку – на фиг. Как вариант?

Губы у Капчаги были диво какие вкусные. Андрей думал, что и в шестнадцать не целовался так упоенно. И «гайка», что холодила нос и щеку, казалась уместной. Мариэтта самозабвенно висла на шее. Ведь счастлива, ни слова не врет.

– Ой, отстань, гражданин начальник. Я девушка слабая, поддамся. Повяжут нас, придется удостоверения показывать. Будешь стыдиться.

– Не буду. Нет здесь никого. И потом, ты сама руки распускаешь.

– Ой, абздольц, не троньте его. Самец двуличный.

Аллеи были пустынные. Утренние собачники уже выгуляли питомцев, а иных любителей бродить по ненормальной весне не находилось. Спускаясь по ступенькам к пруду, Андрей подхватил подругу на руки.

– Пусти, ненормальный! У тебя же колено.

– У всех колени. Мне удобно. – Андрей перекинул деву на плечо, погладил приятный груз.

Мариэтта висела без сопротивления. Мечтательно пробормотала:

– Был бы полный айс, если бы ты меня похитил. Уволок в нору на самых задворках «Фаты». Насиловал бы пять раз в день. Я была бы гордая и холодная, как баронесса, – рыдала и трепетала. Потом бы втянулась. Один бы трепет и остался. Значит, раз время высвободилось: шесть-семь разиков в день. А?

Андрей, смеясь, вернул подругу на земную твердь:

– Я согласен. Вот на пенсию выгонят, и украду. Если не передумаешь.

– Умеешь ты обломать. – Мариэтта поправила задравшуюся курточку. – Ладно, главное, внутренне ты согласен. Есть надежда.

Река медленно волокла грязные отставшие льдинки и бурый пластик неизменных бутылок. Открытие навигации прогулочных теплоходов безнадежно запаздывало, лишь одинокая баржа «Окская-17» печально волокла куда-то сырой песок. Солнечный свет, прореженный легкими облачками, скользил по серым каменным берегам. Личный состав «КП-29» немного посидел на холодной лавочке и двинулся по набережной. Обычно Новоандреевский мост пред-

почитали обходить. В ФСПП поговаривали, что теперь завод у моста регулярно, раз в неделю, чистят от собачьих утопленниц. Даже в «Московском кроманьонце» на эту тему возмущенная статья промелькнула. «КП-29» предпочитало гулять в сторону монастыря – там хоть и чувствовалась мрачная аура давних чумных смертей, но те смерти были в таком далеком прошлом, что казались мифом. Но сейчас Андрей с подружкой, почему-то не сговариваясь, двинулись к парку.

– Старый, нужно что-то с тем дворником-инвалидом сделать. В конце концов, это дело общественное и даже санитарное. Ну сколько можно несчастных Му-Мушек топить?

– Какие предложения? Заглянуть к классику? Ствол в затылок – пусть Иван Сергеевич финал переписывает? Или Герасиму хорошенько вломить? Вряд ли поможет.

– Лучше уж вломить, чем ничего не делать. Не то чтобы я Гринпис какой-нибудь, но чмутно выходит. Да я сама могу...

– Не вспыхивай. Придумать нужно.

Мариэтта вздохнула и взяла начальника за руку. Андрей погладил пальцы с бело-золотыми ноготками: два, сломанных во время полярно-волчьей битвы, еще только отрастали, но сияли не хуже прочих.

– Глупая я, – с досадой сказала Мариэтта. – Только и самые умные, из Центра, тоже ничего придумать не могут.

– Придумают. Они или мы. Кто-то придумает.

Стояли в тепле, на застекленном мосту, смотрели на холмы. Серость деревьев на склонах разбавлялась едва заметной зеленью почек.

– Все-таки весна будет, – пробормотал Андрей.

– И сразу в осень перейдет, – скептически заметила Мариэтта.

Оба вздрогнули. Над мостом нависло мгновенное напряжение – казалось, даже стекла свода неслышно завибрировали. Навалилось знакомое ощущение безвременья.

– «Скольжение»?! – перепугано прошептала Капчага.

– Нет, что-то другое, – с трудом вымолвил Андрей.

Дышать стало трудно. Так долго «скользить» обоим еще не приходилось. Но желтая прозрачность моста оставалась неизменной, и все так же расслабленно брела по галерее одинокая уборщица в оранжевом жилете.

У Андрея мелькнула мысль о том, что мост сейчас обвалится. Стояли почти на середине – сейчас рухнет, и лететь в обломках и стекле прямо в ледяную воду. Но пол держался твердо – напряжение выгибалось-вibriровало под кожей.

– Там. – И Андрей, и девушка, словно притянутые невидимой стрелкой компаса, смотрели на проезжую часть, по которой двигались редкие машины.

Лопнуло. Но отнюдь не на струну сейчас было похоже – на разодранную жуть. Словно ударил вихрь по крыше, разворотил мгновенно сотню метров кровли.

– Блин! – охнула Капчага.

Взвизгнули тормоза. На мостовой очутилась вынырнувшая ниоткуда фигурка. Иномарка успела отвернуть, благо было куда. Неповоротливый троллейбус надвигался, но не удержавшийся на ногах человек уже опомнился, завидным прыжком метнулся из-под колес к тротуару. Троллейбус остановился. Легковые, негодуяще засигналив, двинулись по своим делам, лишь патрульная милицeйская машина повернула к тротуару. Из троллейбуса высунулся чернявый водитель, негодуяще махал рукой. Фигурка топталась на месте, ошалело озиралась.

– Чужой. Пойдем встретим. – Андрей быстро двинулся к эскалатору.

– Чужачка. Девушка, – поправила изумленная Мариэтта.

Андрей торопился, – сверху было видно, как человек вертит головой. Пожалуй, действительно девушка – в свободном сером комбинезоне, с непокрытой темноволосой головой. На поясе, кажется, нож.

Водитель троллейбуса продолжал вопить – стекло звуки отсекало. Похоже, гостью крики не слишком пугали – все оглядывалась. Из-за троллейбуса вышел милиционер...

– Этот сейчас напугает, – с досадой сказал Андрей и перешел на рысь. Мариэтта постукивала каблучками чуть позади.

Не успели. Милиционер требовательно обратился к гостье. Та неопределенно шевельнула узким плечом – видимо, не поняла вопроса или не знала, что ответить. Сержант гаркнул, ткнул пальцем в нож на поясе миниатюрной незнакомки. Та что-то ответила, указывая на дома за спиной. Патрульный резко ухватил ее за плечо, потянулся к поясу. Гостья неожиданно легко отскочила, демонстративно поправила ножны на поясе. Сержант, не поняв, как именно она увернулась, заорал и ухватился за кобуру. Девушка тоже завопила. Достать пистолет сержант успел, но направить оружие на злоумышленницу не удалось – она уже была рядом, резкая, верткая, – мелькнула сталь, и «макаров» упал на асфальт. Девушка ткнула патрульного коленом в живот – сержант согнулся. От машины, взяв с автоматом, бежал напарник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.